

Секция 3. Идентичность населения Алтая и развитие внешних связей

Н.В. Авралев, И.Н. Ефимова

Формирование и развитие идентичности в региональных социально-политических процессах

Становление и развитие массового общества связано с процессами развития индустриального и постиндустриального общества, процессами урбанизации, становления всеобщей грамотности населения, развитием средств массовой коммуникации, развитием информационных технологий и т.д., всего того, что приведет к развитию технических средств, тиражированию и трансляции информации, улучшению материального положения среднего человека, размытости границ между классами общества, трансформации сословных обществ в национальные.

Как показывает опыт проведения реформ в России, в сфере государственного и регионального управления следует учитывать понятие идентичности человека.

Понятие «идентичность» фиксирует важный элемент того, что в социологии знания называется субъективной реальностью, – социально детерминированные представления индивидов о своем «я», складывающиеся в результате соотнесения с некоторыми «мы», осуществляемые как самими индивидами, так и их окружением.

В современном политическом процессе идентичность играет все более ошутимую роль в качестве фактора мобилизации и ориентации, в том числе и в силу того, что в условиях усложнения социальной структуры новые политические идеологии стремятся артикулировать не столько «интересы», сколько «идентичности». Вместе с тем, наблюдаются две взаимосвязанные, хотя и противоположно направленные тенденции: широкое распространение понятия «идентичность» в публичной риторике и попытки его деконструкции в научном дискурсе, направленные на преодоление представлений о целостной, аутентичной и неизменной идентичности. В этой связи возникает целый ряд методологических и практических вопросов, связанных с изучением соответствующих аспектов политики.

В данном случае, речь пойдет о законодательной власти Нижегородской области. Мы рассмотрим деятельность представительной и законодательной власти в хронологическом порядке, чтобы наглядно представить, в какую сторону менялась политика в целом, и какое место занимали вопросы социальной политики этой ветви власти.

Представительная власть Нижегородского края имеет довольно богатую предысторию. 26 января 1716 г. указом Сената создана Нижего-

родская губерния, в качестве органа местного самоуправления было создано губернское учреждение с участием сословного представительства (дворянства).

2 ноября 1917 г. только что обновленный состав Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов провозгласил полномочие Советов в городе и губернии. С весны 1918 г. Нижегородская губерния в основном управлялась объединенными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (обобщенное наименование представительных органов государственной власти в РСФСР по Конституции 1918 г.). В 1936–1993 гг. Представительным органом власти являлись Советы депутатов трудящихся. До 1990 г. председателей областного Совета не было никого. Хотя областной Совет был и ранее, но Председателя у него не было. Областной Совет народных депутатов, избранный в 1990 г. – это словно перекидной мостик от прежней представительной власти к нынешней. Его депутаты впервые были избраны на альтернативной основе, когда в каждом бюллетене значилось несколько фамилий кандидатов.

На альтернативной основе был избран и председатель облсовета Г.М. Ходырев. Две власти, два партнера – Совет и исполком – понемногу стали приобретать самостоятельность, хотя и были зависимы друг от друга.

Драматичные события октября 1993 г. привели не только к упразднению Верховного Совета РСФСР. Малый Совет Нижегородской области стал во многом действовать в режиме законодательного органа.

Действия малого Совета во многом были детерминированы потребностями жизни, реально складывающимися и требовавшими срочного регулирования новыми общественными, социальными, экономическими отношениями. Не было еще Бюджетного, Налогового, Жилищного кодексов, наблюдалось серьезное несоответствие многих законов Конституции Российской Федерации и Федеративному договору, несоответствие одних норм другим (коллизия законов).

12 октября 1993 г. малый Совет принял в первом чтении Положение о Нижегородском областном Собрании. области и Положение о выборах в Законодательное Собрание. Именно с этого дня и до настоящего времени представительный орган власти области носит название «Законодательное Собрание». Переход власти от представительного органа к законодательному в нашей области прошел без осложнений.

Можно без труда найти отличия Законодательного Собрания от прежнего Совета народных депутатов. Скажем, в облсовете было 255 депутатов, а в Собрании – лишь 45. Законодательное Собрание – это не только представительный, но и законодательный орган власти области. Ветви власти разделены и самостоятельны. Есть власть законодатель-

ная в лице Законодательного Собрания. Есть власть исполнительная – губернатор и правительство области. У каждой ветви свои полномочия. При этом одна из функций Законодательного Собрания – осуществлять контроль за деятельностью органов исполнительной власти. Только Законодательное Собрание наделено правом принятия законов в пределах своих полномочий.

Первое заседание Законодательного Собрания третьего созыва состоялось 12 апреля 2002 г. Председателем Собрания был избран Люлин Е.Б. заместителями – Цапин А.И., Дикин М.В., Карманов Н.Н. Представителем в Совете Федерации ФС РФ избран Бедняков Д.И. Важнейшими нормативными правовыми актами, принятыми депутатами Законодательного Собрания третьего созыва, являются законы области: «О выборах глав местного самоуправления в Нижегородской области»; «О едином налоге на вмененный доход» и др.

Законодательным Собранием третьего созыва на 1 марта 2005 г. принято 204 закона области, 875 постановлений, 11 целевых областных программ, семь из которых социальной направленности. Прошло 7 депутатских слушаний. Прошли экспертизу 747 федеральных законопроектов. По многим из них в Государственную Думу направлены замечания, предложения и поправки.

Историю Законодательного Собрания можно рассматривать как процесс постепенного вытеснения идентичности с локальными группами: этносом, сословием, классами, конфессиями и усвоения культурных ценностей все более широких социальных образований. До сих пор можно наблюдать неуклонное расширение поля идентичности человека. Предпосылками этих социально-политических процессов выступают производственно-экономические связи, требования безопасности и другие материальные причины.

Сам процесс формирования и развития идентичности человека можно охарактеризовать как развитие человека и общества. Человек выступает в качестве основы, которая лежит в фундаменте таких явлений, как само государство, управление и общество, а также связанных с ними социально-политических процессов. Но у каждого субъекта РФ органы государственной власти могут формировать у людей чувство ответственности за свою область, территорию. Формирование ответственности за субъект, в котором ты живешь, за власть, которая управляет этим субъектом, чувство локальной ответственности – все это и является одним из необходимых элементов для успешного развития территории, формирования подлинной государственной власти в регионе, что, в конечном счете, приведет к улучшению благосостояния людей, уверенности их в своих силах и самореализации.

Органы власти могут и вправе способствовать формированию у людей чувства локальной идентичности: формирование, в данном случае, имиджа Нижегородской области и города Нижнего Новгорода, не должно идти отдельно от формирования имиджа законодательной и исполнительной власти этой территории и осознания важности построения имиджа для сотрудников мэрии. Так же важно поддержание преемственности в процессах формирования имиджа с точки зрения самой власти и населения области и города. Сформировавшаяся модель имиджа города Нижнего Новгорода позволяет систематизировать знания и слагаемые имиджа, которые могут быть использованы областными и городскими властями в процессе создания образа территории с учетом предложенных каналов обратной связи.

Результаты исследований, полученных в ходе экспертного интервью с представителями руководства области и города, ведущими журналистами, депутатами, работниками культуры, образования и науки, врачами, представителями органов безопасности, предпринимателями, показывают важность и актуальность слагаемых имиджа области и города. Экспертный опрос проводился среди авторитетных и наиболее информированных представителей населения. Использование метода экспертного опроса в качестве основного было обосновано тем, что в силу своей профессиональной деятельности эксперты-практики вырабатывают, хотя и с разной степенью полноты, целостное видение проблемы и могут дать достоверный прогноз ситуации. В первую группу попали студенты, никогда не проживавшие в Нижнем Новгороде, получавшие информацию о городе из масс-медиа, а также по рассказам и впечатлениям других. Во вторую группу попали студенты, проживающие в Нижнем Новгороде. Также большой интерес представило мнение руководства города и области по формированию имиджа Нижнего Новгорода.

Результаты опросов подтвердили гипотезу о том, что существует различие в восприятии образа города различными группами потребителей имиджа. Переходя к анализу формирования имиджа современного Нижнего Новгорода, отметим, что за всю историю своего существования город имел несколько имиджей: «Карман России», «Царственно-поставленный» – в прежние века, закрытый город Горький – в 30–80 гг., «Третья столица» – в период реформы Б. Немцова, город «грязных выборов» и «черного пиара», и сейчас – столица Поволжья. Эксперты отмечают, что недостаточно только закрепить в сознании жителей города мысль о столичности Нижнего Новгорода, а необходимо показать внешним потребителям имиджевой информации, что город свои столичные функции выполняет в действительности. Столичность – это не

формальный статус, который можно присвоить простой бумагой с печатью, а восприятие на уровне общественного сознания, она не может возникнуть искусственно, в результате какого-либо проекта. Нижегородцы, судя по опросам общественного мнения, признали важность и актуальность столичного статуса и выразили свои ожидания от этого статуса. Было проведено социологическое исследование «Восприятие жителями Нижнего Новгорода программы «Нижний Новгород – столица Поволжья». Важность и актуальность столичного статуса признали 58% опрошенных, для 53% нижегородцев город уже является состоявшейся столицей Поволжья. Кроме того, Нижний Новгород считают красивым – 83% жителей, культурным – 63%, предприимчивым – 58%, современным – 58%. В то же время, благоустроенным город кажется для 36% опрошенных, богатым – 36%, опасным и грязным – 48% и 51% соответственно.

Эксперты отмечают, что сейчас у Нижнего Новгорода есть уникальная возможность снова создать иллюзию своей столичности. Именно иллюзию, потому что привести в порядок улицы города, открыть красивые магазины качественных вещей, собрать в местные финансовые институты деньги округа, ликвидировать ветхий фонд, повысить уровень жизни и т.д., – на все это ни времени, ни денег не хватит.

Таким образом, можно сказать, что еще много упущений в процессах создания идентичности города и региона, отсутствует концепция внутреннего имиджа, нет согласования всех ветвей власти, плохо развита агитационная составляющая воздействия на общественное мнение. Идентичность, в данном случае, задает нам лишь неоформленное направление, конкретное его воплощение необходимо всегда искать в индивидуальности.

М.М. Волобуева **О национальных сообществах в Алтайском крае**

На территории Алтайского края на период 2005 г.¹⁰ проживают представители более 80 национальностей (см. Приложение), зарегистрировано 20 национально-культурных общественных объединений, 3 из которых имеют статус краевых национально-культурных автономий, 1 организация является национально-религиозной.

¹⁰ Данные представлены на основании отчета в администрации края за первое полугодие 2005 г. о национальной ситуации в Алтайском крае.

Общественное объединение	Время регистрации	Адрес, телефон	Руководитель	СМИ
1. Алтайская краевая общественная организация «Общество литовской культуры»	ноябрь 1991 г.	656023, г. Барнаул, ул. 40 лет Октября, 29–11, тел. (3852) 335779	Вербицкас Б.Ю.	нет
2. Общественная организация «Алтайское краевое общество немцев «Видергебурт» («Возрождение»)	май 1991 г.	656002, г. Барнаул, пр. Ленина, 94–31, тел. (3852) 438369	Шумахер О.А.	Краевая газета «Цайтунг фюр дих»
3. Общественное движение «Сообщество российских немцев Алтая»	октябрь 1991 г.	656002, г. Барнаул, пр. Ленина, 94–31, тел. (3852) 438369	Дитц А.Х.	нет
4. Алтайская краевая общественная благотворительная организация «Молодежное объединение российских немцев «Видергебурт» («Возрождение»)	январь 1998 г.	656002, г. Барнаул, пр. Ленина, 94–31, тел. (3852) 438369	Рао Э.И.	нет
5. Алтайская краевая национально-культурная автономия российских немцев	декабрь 1997 г.	г. Барнаул, пр. Социалистический, 126.	Майер А. С.	нет
6. Общественная организация «Центр польской культуры г. Барнаула»	май 1994 г.	656053, г. Барнаул, ул. Кузнечная, 10, тел. (3852) 771148	Анискевич В.С.	нет
7. Алтайская краевая общественная организация «Ассоциация кумандинского народа»	июнь 1998 г.	659300, Алтайский край, г. Бийск, ул.Л. Толстого, 182. тел. (8–24) 228424; 338442.	Сатлаев Г. А.	нет

Общественное объединение	Время регистрации	Адрес, телефон	Руководитель	СМИ
8. Алтайская краевая общественная организация «Центр культуры Азербайджана»	июль 1997 г.	656056, г. Барнаул, ул. Партизанская, 216	Рустамов Р.Н.	нет
9. Алтайская краевая общественная организация «Армянский культурный центр»	август 1998 г.	656049, г. Барнаул, ул. Интернациональная, 122. тел.(3852) 238286.	Ароян М.Р.	нет
10. Алтайская общественная региональная организация «Общественный культурный центр стран Востока»	июнь 1997 г.	656031, г. Барнаул, ул. Титова, 7 тел. (3852) 772803	Ли Фэн	нет
11. Алтайская краевая общественная организация «Центр татарской культуры «Дулкин»	перерегистрация 2004 г.	656063, г. Барнаул, ул.В. Кашаевой, 8–134, тел. (3852) 513584	Закирова С.В.	«Алтайские татары»
12. Алтайская краевая общественная организация «Узбекский культурный центр»	сентябрь 2003 г.	656031, г. Барнаул, ул. Шевченко, 170 тел. (3852) 455010	Эминов Т. В.	нет
13. Алтайская краевая общественная организация «Афганское братство»	перерегистрация 2004 г.	656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 205–105. тел. (3852) 614187	Рахматулла Розина	нет
14. Алтайская региональная общественная организация «Центр национальной культуры «Вайнах»	июнь 2002 г.	656049, г. Барнаул, ул. Анатолия, 117.	Хасаев И. М.	нет

Общественное объединение	Время регистрации	Адрес, телефон	Руководитель	СМИ
15. Барнаульская городская общественная организация «Кардаш»	апрель 2002 г.	656015, г. Барнаул, ул. Тимуровская, 29–30. тел. (3852) 337116	Данилов С.В.	нет
16. Местная религиозная организация «Общество (прогрессивного) иудаизма г. Барнаула»	2000 г.	656015, г. Барнаул, ул. Советская, 65–40, а/я 808, тел. (3852) 667632; 664293	Несдатная М.Л.	нет
17. Алтайская краевая общественная организация «Центр казахской культуры «Ата-Мур»	февраль 2004 г.	656015, г. Барнаул, ул. Досумбекова, 200 тел. (3852) 377519	Досумбеков Х.С.	нет
18. Алтайская краевая общественная организация «Центр башкирской культуры «Курай»	апрель 2004 г.	659099, г. Барнаул, ул.Н. Островского, 21–113.	Сафиулин А.М.К.	нет
19. Местная белорусская национально-культурная автономия г. Барнаула	июль 2004 г.	Г. Барнаул, ул. Никитина, 92	Крикович Н.П.	нет
20. Местная национально-культурная автономия татар г. Барнаула	Март 2005 г.	Г. Барнаул,	Аминов А.С.	Краевая газета «Алтайские татары»

Устав (Основной Закон) Алтайского края в ч. 2 ст. 8, касающейся основ правового положения человека и гражданина в Алтайском крае, защищает права этнических групп.

Необходимо отметить, что как в 2004 г., так и в 1 половине ярко выраженных межнациональных конфликтов на территории Алтайского края отмечено не было. На основе внутриконфессионального конфликта, который развивался в мусульманской общине г. Барнаула в период с сентября 2004 г. по февраль 2005 г., наблюдался ряд признаков межнационального конфликта, т.к. ряд национальных диаспор участвовали

во внутриконфессиональном конфликте по вопросу выхода общины из состава Духовного управления мусульман Азиатской Части России (ДУМ АЧР) и передачи мечети г. Барнаула из частной собственности в собственность общины с разных сторон. В результате наблюдался и межнациональный конфликт, связанный с переделом влияния в мусульманской общине г. Барнаула с одной стороны казахской и татарской, а с другой стороны – кавказских национальных диаспор. Разрешение конфликта произошло в результате консультаций руководства мусульманской общины г. Барнаула с органами государственной власти, переходом общины в административное подчинение Казанскому муфтияту и передачей мечети в собственность новой зарегистрированной мусульманской организации, где в Совет старейшин вошли по 2 представителя из 10 национальных диаспор г. Барнаула, исповедующих ислам.

Во 2 квартале 2005 г. в национальных сообществах Алтайского края начал развиваться ряд интеграционных процессов. В апреле месяце 2005 г. была создана Ассоциация национальных общественных объединений Алтайского края на общественных началах, т.к. документы на регистрацию пока переданы не были. Программа деятельности данного общественного объединения пока отсутствует.

Руководство зарегистрированной в марте 2005 г. татарской национально-культурной автономии г. Барнаула вышло с инициативой создания консолидированного центра национальных культур краевого уровня на базе Дома культуры Вагоноремонтного завода (ДК ВРЗ). По данному вопросу 16 июня 2005 г. было организовано и проведено совещание по вопросу создания Дома дружбы народов Алтайского края совместно с представителями краевой администрации, администрации г. Барнаула и представителями 14 национальных общественных объединений. Были представлены условия аренды помещения ДК ВРЗ. Было сообщено о том, что площадь клуба составляет 441 кв. м., арендная плата составляет 390, 58 тыс. руб. в год, и осенью 2005 г. возможно повышение арендной ставки на 20–30%. В штатном расписании ДК ВРЗ состоят 11 чел. с ежемесячным фондом оплаты труда в 26, 3 тыс. руб. Расход энергоресурсов по клубу составляет 216126,73 руб. в год.

Данная информация вызвала неоднозначную реакцию в среде представителей национальных общественных объединений, из которых кредитоспособными является на современном этапе только 2 организации – татарская национально-культурная автономия и армянский культурный центр. Остальные национальные общественные организации на сегодняшний день располагают только юридическим адресом и количеством членов 30–50 чел.

Кроме того, для создания Автономной некоммерческой организации «Барнаульский дом Дружбы» необходимы не только финансы, но и программа совместного существования на территории арендуемого в будущем ДК ВРЗ, которой на данный момент нет. Представители национально-культурных автономий и национальных общественных объединений г. Барнаула оказались не готовыми к решению поставленных задач по принятию условий аренды ДК ВРЗ, приняли решение обратиться в краевую администрацию и Думу г. Барнаула с просьбой о финансировании данного проекта. В результате этого перенесли встречу по вопросам создания «Дома Дружбы народов алтайского края» на сентябрь месяц 2005 г.

В Алтайском крае также присутствуют представители коренных малочисленных народов Севера. В «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» внесены кумандинцы, проживающие в Красногорском, Солтонском районах и г. Бийске, в количестве 1 тысячи 663 чел., из которых 831 чел. проживают в городе, 832 чел. на селе в том числе.

В Солтонском районе:

Демографические показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Численность населения (чел.)	366	347	340	339	336
Женщины	188	179	172	172	169
От 0 до 15 лет	54	47	34	42	33
От 16 до 55 лет	85	82	86	79	88
Старше 55 лет	49	50	52	51	48
Мужчины	178	168	168	157	167
От 0 до 15 лет	45	32	33	31	31
От 16 до 59 лет	112	115	117	117	117
Старше 60 лет	21	21	18	19	19
Рождаемость	2	2	3	2	4
Смертность	9	5	12	8	10
Детская смертность	0	0	0	0	1
Средняя продолжительность жизни	62	71	69	55	62

В Красногорском районе:

Демографические показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Численность населения (чел.)	336	324	350	345	357
Женщины	174	172	186	181	196
От 0 до 15 лет	38	28	34	35	34
От 16 до 55 лет	98	99	102	100	106
Старше 55 лет	38	45	50	46	56
Мужчины	162	152	164	164	181

Демографические показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
От 0 до 15 лет	39	37	33	37	34
От 16 до 59 лет	99	89	104	105	104
Старше 60 лет	24	26	27	22	23
Рождаемость	3	3	4	4	4
Смертность	6	5	7	6	5
Детская смертность	0	0	0	0	0
Средняя продолжительность жизни	67	66,2	66,7	66	65,8

В г. Бийске:

Демографические показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Численность населения (чел.)					732
Женщины					422
Мужчины					310
Метисы					422
Рождаемость Спад на 30%	3	4	3	2	2
Смертность Рост на 20%	6	7	8	8	8
Продолжительность жизни	45–50	45–50	45–50	45–50	45–50

На базе Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года» разработана и осуществляется с 2001 г. краевая программа «Поддержка коренного этноса». Программа предусматривает выделение средств из федерального и краевого бюджетов на повышение уровня жизни кумандинцев, улучшение жилищных условий, поддержание и развитие национальной культуры, языка, возрождение промышленной деятельности. В г. Бийске организованы 3 группы для обучения кумандинскому языку. В 2003 г. была определена учебная нагрузка в объеме 2,5 часов в неделю на изучение кумандинского языка на протяжении обучения в школе (для всех желающих).

Организованы курсы изучения кумандинского языка для взрослого населения в г. Бийске, Солтонском и Красногорском районах, для чего были изданы «Русско-кумандинский разговорник» и «Словарь кумандинского языка».

В выборных представительных органах местного самоуправления в Солтонском районе работает 3 депутата и 3 председателя сельских советов (из 300 чел. кумандинской национальности), в Красногорском районе также из 300 кумандинцев выбрано 3 депутата.

Реализуется Федеральная целевая программа «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы». В соответствии с данной программой осуществляется строительство школы в Немецком национальном районе, строительство жилья, организуются культурно-массовые мероприятия. Необходимо отметить, что среди 72 глав городов и районов Алтайского края 10 немцев, что составляет около 14% глав.

Объемы денежных средств, выделяемых из бюджетов всех уровней на реализацию программ, направленных на национально-культурное развитие этносов в Алтайском крае в соответствии с данным Главного управления экономики и инвестиций администрации края следующие:

Наименование объекта	Инвестиции на 2004 г., тыс. руб.				
	Всего	Федеральный бюджет	Бюджет субъекта РФ	Местный бюджет	Другие источники
ФЦП «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года»					
Строительство жилого поселка Алтайской общественной организации «Ассоциация кумандинского народа» по пер. Сухому в г. Бийске	626,4	425,0	150,0	51,4	
Приобретение производственного оборудования для первичной обработки дикоросов	245,7	240			5,7
Всего по программе:	872,1	665	150,0	51,4	5,7
Президентская программа развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы					
Строительство школы на 504 учащихся в с. Гальбштадт Немецкого национального района	17175,0	16675,0	500,0		
Ремонт кровли школы в с. Р-Дубрава	532,0	532,0			
Замена оконных блоков в здании школы с. Дегтярка	1847,5	1847,5			

Ремонт отопления, окон и перекрытия дома культуры в с. Дегтярка	1184,2	1184,2			
Выполнение проектных работ здания музея в с. Гальбштадт	665,0	665,0			
Оснащение музыкальными инструментами музыкальных школ и домов культуры в селах Гальбштадт, Орлово и Дегтярка, школы искусств в с. Подсосново, оснащение вычислительной техникой Николаевской и Орловской средних школ и пополнение библиотечных фондов школьных библиотек художественной литературой	950,8	950,8			
Всего по программе:	22354,5	21854,5			

В с. Байгамут Благовещенского района Алтайского края, где компактно проживают казахи, действует национальная школа с программой обучения на казахском языке. В 2004 г. в г. Бийске прошел III фестиваль коренных малочисленных народов, в котором приняли участие 300 чел.

Мероприятие	Время	Участники
III фестиваль коренных малочисленных народов	июнь 2004	администрация Алтайского края, администрация г. Бийска
I курултай казахов и татар Алтайского края	ноябрь 2004	администрация Алтайского края, администрация г. Барнаула, общественная организация «Ата-мура», татарский культурный центр «Дулкин», представители национально-культурных и религиозных объединений республики Татарстан и республики Казахстан, представители Всемирного конгресса татар

Приложение к статье М.М. Волобуевой. Национальный состав населения Алтайского края в 2005 г.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Все население	2607426	1215086	1392340	1386765	635394	751371	1220661	579692	640969
Абазины	7	4	3	7	4	3			
Абхазы	44	29	15	37	25	12	7	4	3
Аварцы	337	262	75	193	153	40	144	109	35
Агулы	9	4	5	6	1	5	3	3	0
Адыгейцы	14	7	7	9	6	3	5	1	4
Азербайджанцы	5852	3779	2073	3374	2227	1147	2478	1552	926
Алтайцы	1880	910	970	1168	584	584	712	326	386
Американцы	3	3		2	2		1	1	
Англичане	5	3	2	5	3	2			
Арабы	31	31	0	25	25	0	6	6	0
Арабы среднеазиатские	15	5	10	6	5	1	9		9
Армяне	8105	4830	3275	4593	2721	1872	3512	2109	1403
Ассирийцы	148	52	96	30	16	14	118	36	82
Балкарцы	16	13	3	4	4	0	12	9	3
Башкиры	728	424	304	436	277	159	292	147	145
Белорусы	8280	3897	4383	4526	2102	2424	3754	1795	1959
Бесермяне	1	1		1	1				
Болгары	355	167	188	150	72	78	205	95	110
Буряты	166	102	64	135	83	52	31	19	12
Венгры	36	30	6	9	7	2	27	23	4
Вепсы	5	1	4	4		4	1	1	

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Водь	1		1	1		1			
Вьетнамцы	113	74	39	111	74	37	2		2
Гагаузы	62	35	27	17	10	7	45	25	20
Греки	310	172	138	186	101	85	124	71	53
Грузины	1084	773	311	637	447	190	447	326	121
Аджарцы	3	2	1	3	2	1			
Ингилойцы	1		1	1		1			
Мегрелы	1	1					1	1	
Даргинцы	148	124	24	76	64	12	72	60	12
Кубачинцы	1	1		1	1				
Долганы	1		1				1		1
Дунгане	39	20	19	11	9	2	28	11	17
Евреи	1096	554	542	1010	507	503	86	47	39
Евреи горские	7	5	2	5	3	2	2	2	0
Езиды	20	14	6	18	12	6	2	2	0
Ингуши	181	119	62	97	61	36	84	58	26
Индийцы хиндиязычные	7	5	2	7	5	2			
Испанцы	1		1	1		1			
Итальянцы	4	2	2	3	1	2	1	1	
Ительмены	3	3		3	3				
Кабардинцы	103	67	36	54	35	19	49	32	17
Казахи	9825	5171	4654	2540	1373	1167	7285	3798	3487
Калмыки	80	54	26	31	18	13	49	36	13

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Камчадалы	2	2		1	1		1	1	
Караимы	2	2		2	2				
Каракалпаки	11	5	6	7	4	3	4	1	3
Карачаевцы	79	42	37	62	35	27	17	7	10
Карелы	67	24	43	38	13	25	29	11	18
Кеты	7	4	3	5	3	2	2	1	1
Киргизы	439	224	215	334	169	165	105	55	50
Китайцы	205	136	69	162	113	49	43	23	20
Коми	167	65	102	78	32	46	89	33	56
Коми-пермяки	206	66	140	98	27	71	108	39	69
Корейцы	1309	725	584	670	365	305	639	360	279
Коряки	1	1		1	1				
Кубинцы	1	1		1	1				
Кумандинцы	1663	742	921	831	361	470	832	381	451
Кумыки	84	63	21	43	36	7	41	27	14
Курды	31	22	9	19	14	5	12	8	4
Лакцы	55	43	12	42	31	11	13	12	1
Латыши	250	126	124	158	82	76	92	44	48
Латгальцы	7	2	5	5	1	4	2	1	1
Лезгины	271	194	77	183	132	51	88	62	26
Литовцы	584	312	272	279	145	134	305	167	138
Манси	2		2	1		1	1		1
Марийцы	676	319	357	321	161	160	355	158	197
Горные марийцы	5	3	2	2	1	1	3	2	1

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Лугово-восточные марийцы	34	16	18	20	9	11	14	7	7
Молдаване	1573	861	712	753	402	351	820	459	361
Монголы	11	6	5	7	6	1	4	0	4
Мордва	4725	2155	2570	1790	821	969	2935	1334	1601
Мордва-мокша	33	6	27	11	2	9	22	4	18
Мордва-эрзя	11	6	5	5	4	1	6	2	4
Нагайбаки									
Нанайцы	5	3	2	4	3	1	1	0	1
Немцы	79502	38687	40815	24242	11485	12757	55260	27202	28058
Ненцы	4	1	3	1	1		3		3
Нивхи	6	3	3	5	2	3	1	1	
Ногайцы	23	18	5	16	14	2	7	4	3
Орочи	1		1				1		1
Осетины	454	325	129	242	176	66	212	149	63
Осетины-иронцы	1	1					1	1	
Персы	6	2	4	3	2	1	3	0	3
Поляки	896	429	467	508	246	262	388	183	205
Пуштуны	105	76	29	97	73	24	8	3	5
Румыны	48	28	20	27	13	14	21	15	6
Русины	2	1	1	2	1	1			
Русские	2398060	1110916	1287144	1298958	591184	707774	1099102	519732	579370

	Городское и сельское население			Городское население			<i>Сельское население</i>		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Казаки	57	40	17	30	24	6	27	16	11
Рутульцы	16	12	4	5	2	3	11	10	1
Саамы	1	1		1	1				
Селькупы	4	1	3	4	1	3			
Сербы	46	42	4	46	42	4			
Словаки	2	1	1	2	1	1			
Табасараны	89	64	25	31	22	9	58	42	16
Таджики	1617	1182	435	1133	850	283	484	332	152
Тальши	42	31	11	30	23	7	12	8	4
Татары	8896	4373	4523	4980	2439	2541	3916	1934	1982
Татары сибирские	3	3		2	2		1	1	
Татары крымские	10	6	4	4	1	3	6	5	1
Теленгиты	3	1	2	3	1	2			
Телеуты	15	7	8	14	6	8	1	1	
Тофалары	2	1	1				2	1	1
Тубалары	7	1	6	5	0	5	2	1	1
Тувинцы	326	197	129	310	183	127	16	14	2
Тувинцы-тоджинцы	1	1		1	1				
Турки	51	36	15	31	21	10	20	15	5
Туркмены	140	100	40	90	66	24	50	34	16
Удины	10	6	4	3	2	1	7	4	3
Удмурты	920	370	550	487	189	298	433	181	252
Удэгейцы									

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Узбеки	1956	1368	588	1327	943	384	629	425	204
Уйгуры	167	101	66	120	73	47	47	28	19
Украинцы	52700	24036	28664	22739	10439	12300	29961	13597	16364
Финны	81	37	44	49	21	28	32	16	16
Финны-ингерманландцы	1	1		1	1				
Французы	3	1	2	3	1	2			
Хакасы	86	48	38	48	29	19	38	19	19
Ханты	14	3	11	10	2	8	4	1	3
Хемшилы	1	1		1	1				
Цахуры	12	8	4	10	6	4	2	2	
Цыгане	3405	1714	1691	2417	1221	1196	988	493	495
Цыгане среднеазиатские	12	3	9				12	3	9
Челканцы	10	3	7	10	3	7	0	0	0
Черкесы	26	16	10	15	12	3	11	4	7
Чехи	27	15	12	15	10	5	12	5	7
Чеченцы	839	502	337	340	203	137	499	299	200
Чуванцы	1		1	1		1			
Чувашаи	3385	1536	1849	1710	779	931	1675	757	918
Чукчи	9	8	1	8	7	1	1	1	
Чулымцы	1		1				1		1
Шорцы	165	59	106	70	25	45	95	34	61
Эвенки	14	7	7	7	4	3	7	3	4

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Эвены	3	2	1	2	2		1		1
Энцы	1	1					1	1	
Эскимосы	3	1	2	1		1	2	1	1
Эстонцы	420	164	256	208	69	139	212	95	117
Юкагиры	1		1				1		1
Якуты	145	73	72	99	53	46	46	20	26
Японцы	2	2		2	2				
Лица других национальностей (не перечисленных выше)	357	215	142	321	189	132	36	26	10
<i>Лица, не указавшие национальность в переписном листе</i>	568	271	297	451	203	248	117	68	49

В.А. Должиков

Движение сибирских областников: официозный миф и национально-региональная идентичность

В годы так называемой перестройки на страницах печатных изданий был реанимирован старый миф о потенциальной возможности «отделения Сибири от России». При этом обычно публицисты ссылались на Г.Н. Потанина, А.П. Шапова, Н.М. Ядринцева и других областников, будто бы пытавшихся в свое время реализовать данную идею. «Возник из прошлого фантом сибирского сепаратизма, – утверждал один из авторов – концепция которого имеет глубокие исторические корни» (Ю. Голубчиков). Вообще то, даже серьезные исследователи не очень многословны при освещении роли участников областнического движения в отечественной истории. Однако, если обратить более пристальное внимание на фиксируемые результаты многогранной общественной и научной деятельности Г.З. Елисеева, Г.Н. Потанина, А.П. Шапова, И.А. Худякова или Н.М. Ядринцева, то выясняется, что все они должны бы по праву занимать далеко не второстепенные места в истории науки, политической мысли, публицистики, русского демократического движения второй половины XIX – начала XX вв.

Выражу принципиальное согласие с теми немногими специалистами, которые в целом достоверно идентифицируют областничество как один из альтернативных вариантов общерусского освободительного процесса (В.А. Малинин, М.В. Шиловский). Большинству же отечественных исследователей, к сожалению, свойственны либо полное непонимание областнической концепции, либо «сепаратизм навыворот», когда Сибирь противопоставляется собственно России. На самом деле, как известно, существуют две части делимой, но единой страны: восточная (азиатская) и западная (европейская). «Избранный и поставленный всемирной историей на перекрестном пути между Западом и Востоком, – справедливо замечал А.П. Шапов, – народ русский должен примирить, соединить в братский союз Восток с Западом». В действительности, родоначальники сибирского областничества были, во-первых, убежденными демократами-федералистами, а, во-вторых, интернационалистами (в аутентичном понимании данного термина). «Народ, питающий жестокосердие к иным племенам и расам, – пояснял один из лидеров этого движения, – едва ли способен внести и в свою среду гуманные отношения» (Н.М. Ядринцев). Совсем не случайно раньше других общественных деятелей России областники попытались понять и осмыслить международную идентичность русской цивилизации.

Как идеология сепаратизм чаще всего инициируется лидерами национальных освободительных движений, имеющих этническую основу.

Совсем иные истоки у движения областников. Его генезис был органически связан с самобытными особенностями регионального, но все-таки не инонационального менталитета. Идеологически выражая данную специфику, областники сами определенно считали себя представителями формировавшейся великорусской нации. Что же касается той новой общности, которая в Сибири складывалась на основе синтеза достаточно разнородных компонентов, то, с их точки зрения, она представляла собой не более, чем «областной тип русской народности». Отсюда – этимология самоназвания данной группировки. Недаром же, формулируя собственные идейно-политические приоритеты и ориентиры, областники ссылались на распространенные обыденные умонастроения жителей края. Доминирующий архетип местного менталитета зафиксирован ими в материалах социологических и этнологических экспедиций. «Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства, – констатировал Н.М. Ядринцев, – с коренным русским человеком; напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности». Делая научный срез исторического самосознания первопоселенцев края, исследователь-областник приводит в своей монографии показавшийся ему «забавным» следующий факт. «...В отдаленных местах Восточной Сибири [жители] предполагают, – отмечал Н.М. Ядринцев, – что Ермак, пришелец из России, покорила прадедов, исконных русских обитателей Сибири, чтобы выгнать их из домов и овладеть землей, всегда принадлежавшей русским». Собственно «Русью» потомки первопоселенцев считали приалтайскую, южную часть Сибири. Поэтому, идентифицируя себя как народность, коренные сибиряки обычно использовали традиционный этноним «русские». Недавних же выходцев из метрополии с оттенком уничижительности они называли «расейскими». В этой лексической антиномии народных понятий, на мой взгляд, четко прослеживается сознательное отчуждение всего, что могло исходить от «злой мачехи» – Российской империи. «Рождавшаяся в 1860 – 1863 гг. земско-областная теория Шапова, демократическая, партикуляристская доктрина, высшей ценностью которой провозглашались народ и свобода, – справедливо замечает современный исследователь А.С. Маджаров, – энергично отрицая этагизм государственной школы в русской историографии, уповала на земство, областность, децентрализацию и федерализм». Отражая региональную ментальность, областники не признавали московско-петербургскую крепостническую «Расею» в качестве национальной государственности – «матери Родины».

В этом смысле ценным источником для адекватной реконструкции политической программы раннего областничества является малоизвест-

стная статья Г.Н. Потанина «Заметки о Западной Сибири» 1860 г. Ключевой вывод ее вовсе не «сепаратистский». Он сформулирован в духе последовательного радикально-демократического федерализма. «Русский народ заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни, – утверждал Г.Н. Потанин, – Если представить в будущем Сибирь, так же населенную, как нынешняя европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее». Однако для того, чтобы с «американской быстротой» могло развертываться заселение и полноценное хозяйственное освоение русским народом богатых ресурсами пространств Северной Азии, нужна «свобода труда и социальной жизни». В этом и состоит, по оценке Потанина, ключ к решению «сибирского вопроса». Нетрудно заметить, что в данной работе высказывается идея гипотетически возможной передислокации общенационального центра из европейской части страны в ее срединную часть – в сибирский «хартлэнд». В долгосрочной перспективе этот несбывшийся прогноз соответствует, на мой взгляд, как национальным интересам, так и общерусским представлениям о справедливости. И уж, конечно, в нем отсутствует какой бы то ни было сепаратистский идеал.

В 1900-е, как и в 1860-е гг., областники оставались последовательными сторонниками полной ликвидации унитарной имперской государственности с последующим воссозданием исторически традиционной, национальной системы союзно-земского административного деления страны на политически автономные, самоуправляемые регионы (области). «Процесс расчленения пугает робких публицистов, – возражал оппонентам Г.Н. Потанин, выступая с речью на собственном 80-летнем юбилее 21 сентября 1915 г., – они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный: расчленение не есть распадение, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении». Фундаментальной основой, по его мнению, является «духовный багаж, который создан творческим духом русской народности». В 1917 г. он снова подчеркивал, что «сибирские областники, сознавая себя членами русского народа и не желая с ним портить связь, – распространяют свой идеал на все государство; они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, и что у каждой области будет свой парламент и свои министерства, и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей федерацией будет стоять объединяющая Государственная Дума». Полагаю, вряд ли все эти мысли ведущего идеолога областничества можно идентифицировать с приписываемой сибирякам экстремистской тенденцией.

Также с именем Г.Н. Потанина связана примечательная акция гражданского политического протеста, которая датируется серединой июля 1917 г. В это время впервые над революционной Россией нависла угроза коммунистической тоталитарной реституции. «Большевики хотят подчинить нашу жизнь своей воле, – предостерегал соотечественников Г.Н. Потанин в статье «Областничество и диктатура пролетариата»,- они создают организацию с сильной центральной властью, под нож которой хотят бросить нас». В отличие от многих других политиков, он не был дезориентирован «советской» (почти в духе учений Бакунина или Щапова) камуфляжной демагогией недавних ортодоксальных марксистов. По точному диагнозу лидера областников, «они стремятся к захвату власти, чтобы воцарить над жизнью свою доктрину». В переломном для всей страны 1917 г. он публично разъяснял, к каким катастрофическим для национального гражданского общества последствиям приведет реализация подобных планов. «Если бы проекты Ленина осуществились, – предсказывал Потанин, – русская жизнь снова очутилась бы в железных тисках, в ней не нашлось бы места для самодеятельности общественных организаций».

Итак, необходимо дать более точное определение коренного смысла идеологии сибирского областничества с современных исследовательских позиций. Разумеется, Г.Н. Потанин и другие русские областники не являлись сторонниками бессмысленного «отделения» восточных регионов страны от метрополии. Наоборот, они выступали за союзно-государственное единство, полноправную автономию и политическую равноценность всех областей в составе общенациональной Федерации. Поэтому было бы правомерным считать областничество региональной разновидностью русского федерализма. Соответственно, и стратегию данного движения необходимо соотносить не с экстремистско-сепаратистской, а с демократической освобожденческой традицией.

Литература

1. Голубчиков Ю. Русский щит для великих цивилизаций. Для чего России нужна огромная территория? // Правда. 1998. № 1. 4–9 января и др.
2. Маджаров А.С. Историческая концепция А.П. Щапова и сибирское областничество // Дуловские чтения 1992 года. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 1992. Ч. 1.
3. Малинин В.А. История русского утопического социализма. М., 1991.
4. Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9.
5. Он же. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917. № 153. 18 июля.

6. Он же. Речь на юбилее // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7.
7. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989.
8. Шишло Б.П.. Областничество, сепаратизм, автономия // Сибирская газета. 1992. N 36.
9. Щапов А.П. Новая эра. На рубеже тысячелетий // Он же. Собрание сочинений. Доп. том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск, 1937.
10. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
11. Он же. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882.

Г.В. Кагирова, Б.Н. Кагиров
Влияние переселенческой политики России
на культуру Сибири

Сибирский регион до сих пор является не полностью обжитой территорией России. Обширные площади, богатые природные ресурсы, не до конца изученные археологические памятники – это наша действительность.

Заселение Сибири происходило в несколько этапов:

1. Изучение неизведанных районов.
2. Создание оборонно-охранительных рубежей.
3. Массовые переселения с целью колонизации и освоения земель.

Сибирь привлекала многих и давно. И была бы она освоена более быстро и эффективно, но мешали суровые климатические условия, значительная удаленность от центра и малая привлекательность или престижность региона.

Особую роль в освоении Сибири, в проведении так называемой «внутренней колонизации» сыграл П.А. Столыпин.

Время этого политического деятеля на общероссийской политической арене было значительно ограничено, стояли большие задачи в центре России, – тем значимее его достижения на Сибирских окраинах.

Понимая, что безземельной крестьянин для России лишь обуза и «пушечное мясо» П.А. Столыпин развернул хорошо продуманную, материально обеспеченную и спланированную операцию во внутренней политике страны по заселению Сибири. Грамотно и тщательно спланированная политика П.А. Столыпина готова была вывести царское самодержавие из кризиса, дав новое дыхание российской государственности.

И кто знает, проживи дольше этот реформатор, возможно, мы жили бы в другой экономической ситуации.

В записке, представленной 3 сентября 1907 г. князем Б.Б. Васильчиковым П.А. Столыпину, отмечено, «что прибывший на свой участок переселенец уже видимо одушевлен уверенностью в будущем благополучии, он производит впечатление бодрого, деловито настроенного земледельца, готового претерпеть лишения, сопряженные с первым годом или двумя своего пребывания на новом месте, имеет перед глазами соседний поселок, уже обустроившийся и представляющий для него, смею утверждать в большинстве случаев, образец такого достатка, о котором крестьяне Европейской России только мечтают».

В памятной книжке Томской губернии за 1908 г. находим данные о колонизации территории Алтайского округа: «Запас земель для колонизации значительно ныне увеличивается с открытием Алтайского округа для переселения. Указом 19 сентября 1906 г. открывается для переселения вся южная часть Томской губернии, принадлежащая Кабинету Его Величества под общим названием Алтайского округа, официально закрытого с 1898 г. Несмотря, однако, на запрещение, Алтайский округ вообще, кроме южного горного района, весьма благоприятен для колонизации».

Таким образом, оценивалось стратегическое богатство Сибири в начале века. Как же повлияла данная политика на культуру целого региона России? Прибывшие в Сибирь люди были новаторами, смелыми людьми, готовыми к позитивным переменам в своей жизни. Это были люди активные и здоровые, другие здесь просто не прижились бы. Это были люди готовые к большому объему работы и ответственности за себя, за семью – хозяйственники. С другой стороны, были люди, потерявшие все и стремившиеся в новых условиях найти новое счастье. И те и другие были востребованы на новой земле. Вместе с собой, с привезенными семьями они привезли свои национальные, территориальные, семейные привычки и традиции. И Российское общество начала века могло напомнить строительство Вавилонской башни, – кого здесь только не было. Переселение проходило спокойно и уважительно, обширные земли и богатство позволяли, не мешая друг другу и не ущемляя друг друга разместиться на новой земле. Аграрная направленность первых переселенцев способствовала освоению больших территорий. Последующие события Великой отечественной войны привели в Сибирь промышленность, а освоение целины расширило горизонты Сибири.

Сделано много, есть прекрасный научный потенциал, и продолжение политики первых переселенцев должно привести к созданию в Сибири мощнейшей аграрно-промышленной части России.

Возможно ли это? Возможно. С сильной поддержкой государства.

Хотелось бы выделить уникальные особенности Сибирского региона, способные характеризовать особую «сибирскую» культуру современности.

Это, прежде всего многонациональность, это высокий духовный потенциал первооткрывателей, это умение сопереживать и помогать, это умение в сложных условиях Сибири понимать важность самого слова «жизнь», это жизнеутверждающая и развивающаяся культура.

Опора России на Сибирскую культуру может дать отдачу в тысячи крат большую, чем в нее будет вложено. Поэтому данный материал широко представлен нами в книге «Столыпинский патриотизм в переселенческой политике, взгляд из XXI века».

Е.А. Нагайцева

Учебные мигранты из Казахстана в вузах Алтайского края: в поиске новой идентичности? (по результатам социологического исследования)

Многие аспекты современной социальной жизни рассматриваются сегодня через призму «идентичности». Современность, освобождая человека от предписанных статусов и вынужденного исполнения ролей, принуждает индивида «самоопределиться».

Сегодня сами позиции в обществе изменчивы, преобразуются не только средства, но и сами цели человеческих действий. В настоящее время перед человеком стоит вопрос не «Как мне достичь того-то?», а «Куда мне идти? И к чему я приду, если буду продолжать двигаться в этом направлении?». Т.е проблема в том, чтобы понять: что именно и в какое время обрести, а не каким способом этого добиться. Эти вопросы становятся наиболее актуальными в молодости, и в условиях смены социального статуса, что часто происходит в результате миграции.

В данном докладе предлагаются предварительные результаты, полученные в рамках реализации совместного российско-казахстанского исследовательского проекта «Казахстанские студенты в вузах Западной Сибири: трансформация социокультурной идентичности», осуществленного в ходе работы школы-семинара «Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов», организованного Институтом «Открытое общество», Программа Поддержки высшего образования (HESP).

В процессе исследования оказалось довольно трудно определить размер генеральной совокупности, т.к. электронные базы данных приемных комиссий вузов только начинают формироваться, а информация в деканатах имеется лишь о студентах-иностранцах (т.е. тех из них,

которые имеют гражданство любой страны, кроме России). Поэтому отбор респондентов производился методом «снежного кома».

Опрос проходил в городе Барнауле среди студентов Алтайского государственного (27,5%) и Алтайского государственного технического университетов (66,7%), в выборке оказалось по 2,9% представителей Алтайского государственного медицинского и Барнаульского государственного педагогического университета. Доля мужчин составила 47,8%, женщин – 52,2%. Возрастная структура опрошенных студентов выглядит следующим образом: до 20 лет – 20,3%, 20 – 22 года – 66,7% 23 и старше – 13%.

Свою религиозную принадлежность подавляющее большинство респондентов (более 80%) определили как православие, среди студентов высока доля атеистов – 13%, оставшиеся 3% считают себя мусульманами, это представители казахской нации.

Национальный состав студентов – выходцев из сопредельного государства не отличается особым разнообразием. 81,2% опрошенных считают себя русскими, по 4,4% – казахами и немцами, по 2,9% – корейцы и украинцы, также венгр, белоруска и молдаванка.

За исключением двух человек, все учебные мигранты родились на территории Казахстана, наблюдается наибольшее число выходцев из Усть-Каменогорска, Павлодара, Семипалатинска, Экибастуза, Шемонаихи, Алматы. Две трети студенческой молодежи уже имеют российское гражданство, почти в половину меньше тех, кто является гражданином Казахстана, по одному человеку тех, кто не имеет гражданства и имеет гражданство обоих государств. Данный факт позволяет предположить ориентацию казахстанской молодежи на дальнейшую жизнь в России.

В ходе опроса респондентам задавался вопрос: «Что для Вас является Родиной?». На него были получены следующие ответы, которые расположены в порядке убывания частоты упоминания (таблица 1). При этом для мужчин более характерно считать родиной то место, где они живут сейчас, а для девушек – место, где они будут чувствовать себя счастливыми.

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Что для Вас является Родиной?»**

Варианты ответов	%
Место, где я родился (ась)	59,4
Место, где живут мои родные, близкие мне люди	24,6
Место, где мне комфортно	13,0
Место, где я живу сейчас	10,1
Место, где я счастлив (а)	5,8
Место, где жили прадеды	1,5
СССР	1,5

Несмотря на восприятие Родины как места своего рождения, почти 40% студентов не испытывают желания вернуться в Казахстан, почти такое же количество считает это возможным при условии оптимизации этнокультурной/этноязыковой ситуации, далее идет улучшение экономической ситуации и демократизация страны, а также возможность приобретения жилья. Среди наименее популярных вариантов ответов можно отметить такие, как: решение личных проблем в Казахстане, «только в гости», и довольно радикальные, как, например, при условии объединения России и Казахстана в единое государство (4,5%).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя ощущали до переезда» и «Кем Вы себя ощущаете прежде всего?»

	До переезда	После переезда
	Ранг	Ранг
Казахстанец	3	4
Казахстанский русский	2	3
Сибиряк	-	5
Русский	1	1
Россиянин	4	2
Русский казахстанец	-	6
Немец	-	6
Житель планеты Земля	-	6
Желающий стать россиянином	-	6
Затрудняюсь ответить	3	-

Из таблицы 2 видно, что сам факт учебной миграции определенным образом влияет на изменение структуры идентичности ее участников. До переезда первое место занимает национальная идентичность, третье место – гражданская принадлежность. Интересно, что на втором месте промежуточная позиция между национальностью и гражданством (таких оказалось около 30%). Примерно 10% респондентов затруднились определить свою групповую принадлежность до переезда в Россию. Завершали список «россияне», их доля составляла немногим более 5%.

После переезда на первом месте остается национальная идентичность, но место «казахстанского русского» заняли «россияне», сместив его на третье место. Затем идут те, кто считает себя «казахстанцами», но неожиданно появились и те, кто начинает считать себя «сибиряком». Кроме этого встречались такие формулировки (предложенные самими мигрантами) как «русский казахстанец», «немец», «житель планеты Земля» и «желающий стать россиянином».

Известный современный социолог З. Бауман говорил о том, что об идентичности вспоминают тогда, когда нет уверенности в своей принадлежности, т.е. когда человек не может с уверенностью определить свое место в многообразии поведенческих стилей и шаблонов, не знает, как убедить окружающих в том, что это место он занимает по праву, для того, что-

бы обе стороны знали, как вести себя в присутствии друг друга. Представляется, что применительно к проблемам миграции, к вопросам интеграции в новое принимающее сообщество эта мысль является особенно важной.

В ходе немногочисленных исследований современных учебных миграций установлено, что даже в случае вынужденного прекращения учебы большая часть учебных мигрантов, потеряв «статус» учебного мигранта, остается в поселениях – вузовских центрах. Доля закрепившихся в подобном случае напрямую связана с размерами поселения, уровнем жизни и развития социальной инфраструктуры, развитостью рынка труда. Как правило, выше закрепляемость вчерашних студентов в крупных и столичных городах. Часть выпускников школ рассматривает учебную миграцию как основную возможность изменения своей социальной среды, повышения своего социального статуса.

В нашем исследовании установлено, что, несмотря на то, что г. Барнаул довольно часто называется среди желаемых мест постоянного места жительства, часть респондентов (почти 35% сегодняшних его жителей) после окончания обучения все же заявляет о своем намерении покинуть его в связи с ожидаемыми проблемами трудоустройства и низким уровнем жизни населения региона.

Рамки данной работы не позволяют в полной мере отразить все результаты проведенного исследования с должной глубиной анализа, поэтому данной теме будут посвящены другие публикации.

В заключение согласимся с теми исследователями, которые считают, что проблема идентичности сегодня изменила свой характер по сравнению со временем «модерна». Разница между ними в том, что прежде главная задача для человека эпохи модерна состояла в том, чтобы «построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность», перед современной же «постмодерной» личностью задача – «избежать фиксации и сохранить свободу выбора». Эпоха постмодерна убеждает нас в том, что нет ничего постоянного, что колоссальные по объему и масштабу изменения затрагивают не только все сферы общественной жизни, но и внутренний мир человека. Тем самым, оставаясь свободным и отказываясь от выбора, современный индивид продолжает оставаться на пути поиска «себя».

Видимо, можно согласиться с З. Бауманом и в том, что в условиях глобализации более уместно говорить об идентификации, которая никогда не заканчивается. Эта деятельность (!) открыта в будущее, и мы все в нее сознательно или по необходимости вовлечены.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Катровский А.П. Территориальная организация высшей школы. М., 2004.

А.Ю. Охотников, Е.В. Тарасова
Университеты Западной Сибири как фактор адаптации
казахстанской молодежи в российском социокультурном
пространстве

Учебная миграция на протяжении многих десятилетий была одним из важнейших каналов территориального перераспределения населения сначала в СССР, а теперь и в странах СНГ. В условиях регламентации миграции действующей системой прописки и регистрации, переезд на учебу был и до сих пор остается одним из самых надежных способов легализации пребывания молодежи из стран СНГ в российском городе. С начала 1990-х гг. учеба в российских вузах стала для казахстанцев, равно как и для русскоязычных граждан других стран СНГ, способом интеграции в российское общество. Профессиональная подготовка и студенческая среда обеспечивают необходимый объем и качество связей и знаний для дальнейшей адаптации в элиту российского общества.

Классические университеты сформировались в областных центрах Западной Сибири к середине 1970-х гг. в продолжение аграрного и индустриального освоения региона. Тесные производственные связи в рамках советской экономики, сходство процессов освоения грандиозных целинных пространств обусловили актуальность казахстанской экономической и социальной проблематики для исследований в академических центрах Западной Сибири. Сопредельные (по отношению к РСФСР) области Казахской ССР становятся местом проведения учебной практики для барнаульских и новосибирских студентов. Стройки и уже функционирующие промышленные объекты Восточного Казахстана, инфраструктура Усть-Каменогорска и области с 1960-х гг. становятся одним из адресатов системы послевузовского распределения. Географическая близость и относительное удобство транспортного сообщения уже в 1970-е гг. обусловили преимущество западносибирского вектора учебной миграции казахстанцев.

В 1990-е гг. в противовес дезинтеграционным процессам в бывших советских республиках, над географическими параметрами начинает доминировать «исторический тренд» – молодые казахстанцы поступают в вузы Западной Сибири, потому что их заканчивали родители (как вариант: потому что это ближайшие вузы того уровня, который освоили родители).

Следует отметить, что учебная миграция – один из немногих сохранившихся с советских времен каналов проникновения молодежи в региональные элиты. Это привычный способ обеспечения будущего для представителей старшего поколения – основных спонсоров процесса учебной миграции из Казахстана в вузы Западной Сибири. Как правило, родители студентов сами обладают опытом студенчества в вузовских центрах Сибири. Обучение в рос-

сийских вузах – это прогнозируемый вариант социализации: есть фиксированная сумма на оплату обучения и расходы по проживанию, четко обозначены сроки и правила нахождения в академической среде, сама среда находится под опекой (чаще сигнального, нежели регулятивного свойства) кураторов и деканов. Студенты большинства вузов обеспечиваются общежитием, которое также представляет собой систему, сдерживающую элементы патронажа.

Учебная миграция – относительно «мягкий» вариант адаптации: во время обучения за студентом-иностранцем закреплён ряд социальных гарантий, которых лишен трудовой мигрант. Кроме того, учебный мигрант обладает солидным коммуникативным ресурсом (академическая среда, вариативность выбора групп и интересов), чего лишен иностранец-бизнесмен, в современных российских условиях ограниченный общением с деловыми партнерами, криминалом и чиновничеством. Наконец, студент-казахстанец обладает замечательной возможностью приобщения к российской системе трудоустройства: поточная система образования, традиционная для отечественных вузов, воспроизводит аккордный способ работы (10 месяцев относительной свободы и два месяца сессионного напряжения), характерный для русской ментальности.

Распад СССР обусловил не только раздробление некогда единого образовательного пространства, но и десинхронизацию социокультурных процессов в бывших союзных республиках. В результате адаптация в условиях академических центров Западной Сибири представляет собой и вариант латентного конфликта между идентичностью колониста бывшей советской периферии (русскоязычные диаспоры Южной Сибири и Северо-Восточного Казахстана) и российской постимперской идентичностью. Речь идет о проблеме выбора между стандартами социализации: трудяга-культуртрегер, классический центральноазиатский «европеец» – результат семейной социализации, не востребованный новейшей российской элитой. Условия российской «переходной» экономики требуют от неопита социокультурной гибкости и большего уровня конформизма, заимствованный деловой этикет не вмещает полный «пакет» этнокультурных качеств, присущих русскому зарубежью.

Эдукативное пространство России, вслед за ее экономикой, становится все более открытой системой, проницаемой для мирового рынка образовательных услуг и глобального рынка труда. Это обстоятельство порождает новые факторы притягательности российского образования для русских ближнего зарубежья и одновременно формирует транзитивную идентичность вектора «русский ближнего зарубежья – россиянин – русский дальнего зарубежья», с возможным исходом либо в «бесконечность» (фрилансер – «гражданин мира»), либо в принятие западноевропейской (североамериканской) идентичности.

Д.И. Петросян, И.В. Свинцов
Самоидентификация населения Алтая:
региональная идентичность против общенациональной?
(по материалам социологического исследования)

В контексте анализа проблем идентичности, понимаемой как ощущение индивидами своей общности с какой-то группой, большое значение имеет вопрос самоидентификации. На первый план выходит масштаб отождествления себя с неким целым – от относительно малого (город, регион) до более крупных (страна в целом, Европа, Азия и т.п.).

В феврале – апреле 2004 г. «Среднерусский консалтинговый Центр» провел исследование проблем российской идентичности. Всего было опрошено 2814 чел., проживающих в семи регионах России, представляющих основные географические зоны и отличающихся друг от друга уровнем социально-экономического развития: Калининградская область (Северо-Запад) – 396 чел.; Вологодская область (Север) – 400 чел.; Калужская область (Центральная Россия) – 396 чел.; Волгоградская область (Поволжье) – 405 чел.; Республика Башкортостан (Южный Урал) – 400 чел.; Алтайский край (Сибирь) – 407 чел.; Приморский край (Дальний Восток) – 410 чел.

В рамках исследования респондентам было предложено ответить на вопрос, кем они себя ощущают в первую очередь: жителями своего региона (жителем Алтайского края, калининградцем, вологжанином и т.п.), жителями более крупного межрегионального объединения (Сибирь, Центральная Россия, Русский Север, Южный Урал, Дальний Восток), россиянами или европейцами.

Как видно из таблицы, жители Алтайского края чаще всего считают себя «россиянами» (40%). «Регионалов» (тех, кто в первую очередь ощущают себя не россиянами, а «жителями Алтайского края») чуть меньше – 33,5%.

Обратим внимание на то, что довольно привлекательной в качестве объекта самоидентификации оказалась Сибирь – каждый пятый житель Барнаула и края называет себя сибиряком. Столь же привлекательными для своих жителей оказались такие географические зоны, как Русский Север (15% вологжан) и Дальний Восток (18,5% приморцев).

«Европейцами», что совершенно неудивительно, считают себя лишь 3% жителей Алтайского края. Однако и в регионах европейской части России доля респондентов с европейской идентичностью ничуть не больше. Как и следовало ожидать, более или менее заметная доля «европейцев» отмечена лишь в Калининградской области (12%).

Интересно, что если в среднем по России «россияне» и «регионалы» составили практически равные группы (41% и 38% соответственно), то

ни в одном из исследованных регионов не обнаруживается равенства в удельных весах «россиян» и «регионалов». При этом ни в одном регионе один тип идентичности явно не преобладает над другим.

Подчеркнем, что особенно привлекательность общероссийской идентичности по сравнению с региональной заметна в Калининградской области. «Калининградцами» себя ощущают лишь 28% жителей региона, в то время как «россиянами» – почти половина (47%). Отметим, что еще два года назад в Калининградской области отмечалась противоположная картина – в первую очередь «калининградцами» ощущали себя 50% жителей, а «россиянами» – 43%. Очевидно, что перемена в самоощущениях жителей области вызвана прежде всего политическими факторами – после того как Литва и Польша реально вступили в ЕС, регион, с одной стороны, лишился такого преимущества, как относительно свободный въезд его жителей в Европу, а с другой стороны, действительно стал более оторванным от остальной России. По-видимому, эти потери потребовали некоторой психологической компенсации, которая и выразилась в усилении общероссийской идентичности жителей области.

Как и следовало ожидать, чаще других региональную идентичность проявляют жители Республики Башкортостан (52%). Однако, и общероссийская идентичность распространена в республике довольно заметно: 44% – больше лишь в Волгоградской (46.5%) и Калининградской (47%) областях. Это противоречие объясняется тесной взаимосвязью самоидентификации с национальностью респондентов. Региональная идентичность свойственна прежде всего башкирам и живущим в Башкирии татарам (73% башкир и 64% татар ощущают себя жителями Башкортостана, а россиянами – 28%). Живущие же в республике русские чаще ассоциируют себя не с Башкирией, а со всей страной – 54% ощущают себя россиянами и 43% – жителями Башкирии.

Так или иначе, в целом по России и общероссийскую, и региональную идентичность проявляет одинаковое количество россиян.

Тем не менее, называющие себя «россиянами» и называющие себя «жителями Алтайского края» или «вологжанами» – все же разные люди. Возникает вопрос, не скрывается ли за разницей в самоидентификации некий социальный или социокультурный конфликт? Противостоят ли в какой-то мере «регионалы» «россиянам» и наоборот?

Результаты исследования показывают, что отличия между обеими группами респондентов очень незначительны, и говорить о каком-то социальном или идеологическом противостоянии между теми, кто отождествляет себя со своим регионом и теми, кто отождествляет себя с Россией в целом, нет никаких оснований.

Ориентация на тот или иной тип идентичности практически не зависит от возраста, пола или уровня образования респондентов, от их социального статуса или от идеологических ориентаций. В уровне ксенофобии «россиян» и «регионалов», в выборе ими путей развития России, в оценке результатов реформ 90-х гг., в оценке ситуации в стране и в регионе – различий практически нет.

Интересно, что наиболее заметным отличием между «регионалами» и «россиянами» оказалось различие в уровне их мобильности. Половина респондентов, ощущающих себя в первую очередь жителями своих регионов, в ближайшие годы не выезжала за их пределы, в то время как среди «россиян» 64% респондентов ездили либо в другой регион (29%), либо в Москву (16%), либо в страны СНГ (12%), либо в страны дальнего зарубежья (7%). «Регионалы» отличаются и тем, что заметное большинство среди них хотело бы навсегда остаться жить в своем регионе (64% против 56% «россиян»). Возможно, замкнутость в своем регионе и не является определяющим фактором выбора в пользу региональной идентичности, однако она, безусловно, имеет большое значение.

Можно также добавить, что «россияне» в целом выглядят более благополучными, чем «регионалы». Они отличаются от «регионалов» более высоким уровнем удовлетворенности жизнью (плюс 0,07 против минус 0,03), более высоким уровнем доходов и, как следствие, менее низкой оценкой своего материального положения (минус 0,01 против минус 0,12) и более высоким уровнем оптимизма в оценке перспектив материального роста (плюс 0,25 против плюс 0,16).

Так или иначе, между «регионалами» и «россиянами» гораздо больше общего, чем различного. На более широкое распространение в разных частях страны региональной или общенациональной идентичности в первую очередь влияют географические, исторические, национальные и социально-экономические особенности того или иного региона (в случае с Башкортостаном, например, национальный фактор является самым влиятельным).

Если и можно говорить о каком-то «конфликте идентичностей», то только применительно к крайне малой группе «европейцев», которые, в силу очевидной ориентации на европейские ценности, действительно по многим позициям противостоят и всем остальным жителям России.

Подводя итог, отметим, что в целом самоидентификация жителей Алтайского края практически не отличается от самоидентификации, характерной для среднего россиянина. Главным отличием является лишь то, что пятая часть населения Алтая предпочитает называть себя сибиряком, а не жителем края.

Ю.Г. Чернышов
Имидж Алтайского края и формирование
региональной идентичности

Данный доклад – не более чем одна из попыток обозначить возможные подходы к проблеме, пока еще не получившей серьезной разработки в отечественной научной литературе. В целом понятия «имидж» и «идентичность» гораздо реже применяются по отношению к региону, чем, скажем, к отдельным политикам или отдельным странам. К тому же пишут о них представители самых разных отраслей знаний – регионоведы, специалисты по связям с общественностью, маркетологи, географы, культурологи, психологи, и у каждого из них своя система понятий, свои методы, свои приоритетные предметы изучения. Однако сейчас становится особенно очевидной необходимость проведения комплексных прикладных исследований в этой области. Необходимо, в частности, выработать взвешенные решения в ходе так называемой реформы по «укрупнению регионов». В нескольких тезисах мы попробуем показать это на примере Алтайского края, который разные политики уже предлагают «слить» то с Республикой Алтай, то с Кемеровской или Новосибирской областями, то со всеми ними вместе взятыми.

1. Имидж региона – это во многом ответ на вопрос «какими нас видят?»; это состоящая из набора характерных символов «картинка» региона, всплывающая в сознании. Принято считать, что имиджем можно легко управлять, поворачивая его в нужную сторону с помощью рекламы в СМИ и т.д. Однако на самом деле в имидже, помимо изменчивой «оболочки», всегда есть относительно твердое и неизменное «ядро». Если говорить об «условно-статичных» факторах формирования имиджа (по Э. Галумову), то применительно к Алтайскому краю это будут расположенность «в глубинке», в относительно благоприятных (для Сибири) условиях для развития сельского хозяйства, вблизи великолепной природы Горного Алтая. Алтай – это и «житница Сибири», и Белокуриха, и Колыванская ваза, и демидовские заводы, и Ползунов, и Герман Титов, и шукшинские провинциальные «чудики»...

2. Условно-динамичные факторы формирования имиджа во многом связаны с текущими политическими событиями, с яркими представителями региона. Серьезный ущерб очертаниям имиджа Алтайского края нанесло отделение от него в 1991 г. Горно-Алтайской автономной области и возникновение Республики Алтай. Появилось два субъекта федерации, претендующих на использование одного известного «бренда» по имени «Алтай». Это привело к «размытости», «разорванности» имиджа. В результате многие москвичи, например, до сих пор путают эти регионы и называют жителей Алтайского края «алтайцами», даже не подозревая, что

слово «алтайцы» – этноним. Что же касается политического имиджа края, то с 1996 г. (при А. Сурикове) он ассоциировался с «красным поясом»¹¹, а с 2004 г. (после победы артиста М. Евдокимова) Алтайский край в прессе часто ассоциируют с репризой про «морду красную». Известность края благодаря М. Евдокимову резко повысилась, но пока она имеет скорее отрицательный оттенок (кадровая чехарда, конфликт ветвей власти и т.д.). Мастеру артистического жанра пока не удалось развернуть имидж края в привлекательную сторону. Хотя, следует признать, он пытался (идея найти в крае нефть, обещание «Будем жить, как в Париже!» и т.д.)¹².

3. Немалую роль играют и ожидаемые в будущем факторы формирования имиджа. Какие прогнозы – оптимистические или пессимистические – преобладают по поводу демографической и экологической ситуации, темпов экономического развития, уровня жизни населения в регионе? Если говорить о каких-то оптимистических нотках, то они звучат редко. Некоторые из них связаны, в частности, с возможностью развития трансграничных связей. Так, проект «Алтай – наш общий дом» подразумевает развитие интеграционных связей с Казахстаном, Китаем, Монголией. Однако реальные выгоды от этого могут появиться лишь в том случае, если регионы не будут лишены Москвой права развивать прямые экономические связи. Гораздо чаще среди экспертов звучат мрачные прогнозы, и связано это не только с неразвитостью инфраструктуры и очень низким уровнем жизни в регионе, но и с отсутствием ясных перспектив. Если край вскоре «сошьют», то какой смысл разрабатывать долгосрочную стратегию его развития, какой смысл рисковать, вкладывая в него инвестиции? Эта «зависшая ситуация» на фоне разговоров о разно-

¹¹ В последние годы пребывания на посту главы администрации А.А. Суриков был вынужден совершить определенный дрейф «к центру», однако эти действия, на наш взгляд, носили во многом имитационный характер. Так, созданная под его патронажем в КСНД фракция «Единой России» зачастую голосовала по принципиальным вопросам солидарно с «левыми». Вероятно, отчасти с этим была связана достаточно двусмысленная позиция Кремля во время губернаторских выборов 2004 г., когда победу одержал М.С. Евдокимов. Подробнее об этом см., например, наш доклад, прочитанный на международном симпозиуме «Пути России: двадцать лет перемен» 21 января 2005 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук»: <http://hist.asu.ru/ashpi/aspi/research/2005/phnmn.html>.

¹² Данная статья уже была готова к печати, когда пришло трагическое известие о гибели М.С. Евдокимова. К сожалению, в Алтайском крае это уже второй случай гибели в автомобильных катастрофах политиков, которые «плохо вписывались в систему» – ранее аналогичная судьба ожидала мэра Барнаула В.Н. Баварина. Автор выражает искреннее соболезнование родным и близким «нашего губернатора».

вариантных «укрупнениях» и «слияниях» уже нанесла серьезный ущерб не только имиджу, но и экономике многих регионов.

4. Приходится признать, что в России сейчас в принципе изменяется роль регионов. Фактически идет движение от федерации к унитарной империи. Сначала главы администраций регионов были удалены из Совета Федерации. Потом под предлогом борьбы с терроризмом были отменены всенародные выборы губернаторов. Наконец, теперь оживленно обсуждаются и уже реализуются планы по «укрупнению». И хотя мировой опыт говорит, что именно федерализм придает гибкость и устойчивость многонациональным государствам, налицо обратная тенденция – движение к унитарному бюрократическому государству. Налицо желание получить некие усредненные и безликие суперрегионы, руководители которых фактически будут назначаться «по вертикали». В обоснование этому в лучшем случае приводят экономические аргументы: дотационные регионы надо присоединить к донорам (например: Кемерово даст уголь, Алтайский край – зерно, а Республика Алтай – туристические базы, и все три «слитых» региона заживут-де счастливо). Иногда еще говорят, что, чем меньше будет регионов, тем легче будет президенту ими управлять, и что это поставит заслон сепаратизму. Но практически никто не вспоминает о таких понятиях, как менталитет населения, региональный патриотизм, традиции, региональная идентичность. Это вещи, которые формируются веками и десятилетиями, но которые довольно хрупки – их можно сломать в административном раже и поначалу даже не заметить этого. А последствия таких слов оказываются иногда катастрофическими.

5. Региональная идентичность – это осознание жителями региона своей общности, это ответ на вопросы «кто мы?», «какие мы?», «где мы?». Проводимые опросы показывают, что в России есть примерно одинаковые по численности две группы жителей (около 35–40%): одни считают себя «в первую очередь жителями своего региона», другие «в первую очередь россиянами»¹³. Зачастую «регионалы» – это сельские жители, которые почти не выезжали за пределы своего региона. Для них любовь к России проявляется через любовь к родному краю. Понятие «малая родина» лежит у них в основе патриотизма. Нам кажется, что уже поэтому не следовало бы грубо и произвольно перекраивать карту страны, стирая с нее «малые родины». Нужно, наоборот, беречь исторические корни, поддерживать местечковые традиции – так, как это делают, например, в Европе. Нужно учитывать и сложившиеся особенности менталитета, и даже предрассудки, бытующие стереотипы населения. Например, уже сейчас в «сельском» Алтайском крае на фоне разговоров

¹³ Ср. доклад на данной конференции, представленный коллегами из Среднерусского консалтингового центра – Д.И. Петросяном, И.В. Свинцовым.

о «слиянии» прослеживается актуализация негативных стереотипов в отношении «шахтерского» Кузбасса: «они нас понизят в статусе», «мы совсем захиреем», «закроют наши вузы», «чем они лучше нас?», «там правит шахтерская мафия», «до них добираться придется сутки» и т.д. Гораздо спокойнее отношение жителей Алтайского края к возможности воссоединения с Республикой Алтай, но против этого все активнее раздаются голоса в Горно-Алтайске. Там тоже сложилась специфическая идентичность, и ее тоже необходимо учитывать. Поэтому совершенно правы были законодатели, которые заложили на этот случай довольно сложную процедуру – в частности, проведение референдумов.

Общий вывод таков: имидж региона и региональная идентичность – это отнюдь не те вещи, которые можно с легкостью перекраивать, которыми можно произвольно манипулировать. Любая административная реформа, не учитывающая этого, не только обречена на провал – она может нанести серьезный ущерб и интересам регионов, и интересам страны в целом.

Я.Ю. Шашкова

Политический имидж как средство формирования региональной идентичности

Вступление в эпоху постмодерна повлекло за собой принципиальное изменение массовых коммуникаций. Каждому объекту в этой системе стал соответствовать некий набор устойчивых характеристик, стереотипов, иногда даже не имеющих ничего общего с реальным содержанием. Наступила что называется «эпоха имиджей», когда массовое сознание охотно воспринимает их, само строит и даже не пытается сравнить с реальностью.

Имидж, дословно понимаемый как образ, имеет, тем не менее, множество трактовок и определений. Чаще всего он рассматривается как более или менее целенаправленно формируемое в сознании определенной аудитории представление об объекте, наделяющее его дополнительными социальными и политическими ценностями, что способствует более эмоциональному его восприятию. Имиджем в современном информационном обществе обладает практически любой человек, организация, страна, регион.

Для последнего имидж имеет в первую очередь важное экономическое значение, т.к. от показателей развития и сложившегося образа будет зависеть интерес к региону торговых партнеров и инвесторов. Подобная обращенность вовне составляет внешний имидж региона, в основном формируемый с помощью комплексных аудитов экономики авторитетными структурами, участия в выставках и ярмарках в нашей стране и за рубежом, публикаций в центральных СМИ, распространения

рекламной продукции и т.д. Есть еще и внутренний имидж, который чаще всего носит политический характер и связан с восприятием населением органов власти региона, его лидера, характером оценки его статуса и происходящих в нем процессов. Именно им определяется степень легитимности региональных органов власти и патриотизма жителей.

В связи с этим многие российские регионы перешли к целенаправленному формированию своего имиджа, чего, к сожалению, нельзя сказать о нашем крае. Имидж Алтайского края никто и никогда специально не формировал. В период губернаторства А.А. Сурикова он отождествлялся с имиджем главы администрации края, а подчас и просто с информированностью о его деятельности. Но это не значит, что он отсутствовал вообще. Просто имидж края складывался стихийно, на основе имевшейся о нем информации в центральных СМИ, к слову сказать, очень скудной. Поэтому до последнего времени Алтайский край был своеобразным «белым пятном» в региональной идентификации, о чем свидетельствовали массовые и экспертные опросы.

А между тем шедшие в крае политические процессы позволяют реконструировать модели его внешнего политического имиджа и сделать вывод о его своеобразной цикличности.

Впервые об Алтайском крае в стране заговорили в 1996 г., когда в нем возник конфликт между законодательной и исполнительной властью по поводу процедуры избрания главы администрации. В крае на тот момент существовало своеобразное «разделенное правление» – большинство в Законодательном собрании имели аграрии и коммунисты во главе с А.А. Суриковым. Администрация же, возглавлявшаяся сначала В.Ф. Райфичештом, а затем Л.А. Коршуновым, была в основном пролиберальна. Последний и выступил сторонником прямого избрания главы администрации, в то время как депутаты отстаивали собственное право на эту процедуру. Конфликт принял острый характер, дошел до Конституционного суда РФ, снижав краю имидж конфликтного региона.

Разрешение противоречия, а заодно и изменение имиджа края было связано с результатом губернаторских выборов 1996 г., на которых Л.А. Коршунов проиграл А.А. Сурикову. Председателем Законодательного собрания края был избран один из лидеров АПР А.Г. Назарчук. И за краем надолго закрепился статус прокоммунистического региона, региона «красного пояса» России, что подтверждалось и результатами выборов депутатов Государственной Думы, на которых неизменно лидировала КПРФ, и предпочтением жителями края Г.А. Зюганова как кандидата в президенты.

Власть в крае утратила на данный период конфликтный характер, т.к. теперь и законодательные, и исполнительные структуры находи-

лись в руках одной политической силы. Определенным следствием такой «стабилизации» стал некий информационный вакуум, отсутствие на общероссийском уровне информации и интереса к краю и происходящим в нем процессам.

Некоторые авторы считают, что новый виток изменения имиджа края связан с результатами последних губернаторских выборов, закончившихся поражением еще за полгода до этого казавшегося «несокрушимым» А.А. Сурикова. Однако, на наш взгляд, при этом выпускается очень важный этап, начавшийся с 2002 г. Именно в это время, как нам кажется, и происходит перелом во внешнем политическом имидже края – из прокоммунистического он превращается в лояльного Центру, «такого же, как все», политически бесцветного. Показателями данного процесса можно считать формирование в краевом Совете народных депутатов еще одной партийной фракции – «Союз промышленников – Единая Россия», дистанцирование А.А. Сурикова от коммунистов и его активное вмешательство в партстроительство других партий, и, наконец, открытый призыв к поддержке «Единой России» на выборах в Государственную Думу зимой 2003 г. Все вместе это привело к тому, что на последних выборах в Госдуму КПРФ впервые набрала в крае меньше голосов, чем «партия власти».

Но данный этап был непродолжителен, действительно в 2004 г. уступив место новой ситуации. Избрание главой администрации человека, далекого от политики, артиста М.С. Евдокимова привлекло внимание к краю не только в стране, но и за рубежом, подорвав, с другой стороны, имидж края как стабильного региона.

Разгоревшийся конфликт между депутатами КСНД и главой администрации М.С. Евдокимовым, в ходе которого депутаты два раза подряд выражали ему недоверие и требовали от президента РФ его отставки, кажется, замкнул круг – вернул Алтаю статус конфликтного региона. Но только конфликт принял несколько иной, чем в 1996 г., характер, сплотив все политические силы края от коммунистов до либералов и единороссов против нового губернатора и стоящих за ним экономических сил. Других, позитивных, ассоциаций край пока не приобрел.

В целом можно сказать, что политический имидж региона становится на современном этапе важнейшим фактором его развития, особенно в экономическом плане. Не меньшее значение имеет и лидерская составляющая регионального имиджа, в связи с чем переход от выборов глав субъектов федерации как показателей идущих в них процессов к их назначению вряд ли позитивно скажется на имиджмейкинге, порождая у внешней и внутренней общественности чувство нестабильности и угрозы любым контрактам и начинаниям.

Л.И. Шерстова
Новые идентичности в Южной Сибири¹⁴

Формирование новых идентичностей в современной Сибири обычно рассматривается в контексте кризиса общей «советской» идентичности. Действительно, учитывая ту роль, которую в распаде СССР сыграли аналогичные идеологические феномены, можно считать закономерным стремление к пониманию условий и факторов их формирования и проявлений. Однако вряд ли это возможно, исходя только из реалий последних десятилетий, без привлечения сравнительного материала периода, предшествовавшего внедрению «советской» идентичности.

Между тем, исследования показывают, что уже в начале XX в. проявилась общая этнополитическая тенденция: выбор новой самоидентификации существенно зависел от степени этнической консолидации и наличия жесткой оппозиции «свои – чужие», определявших этнические границы конкретных этносов. Характерной чертой этнического состояния Южной Сибири являлась незаконченность этнических процессов в аборигенной среде. Здесь, за редким исключением, отсутствовали этносы с выраженной этнической идентичностью.

Одним из показателей этнической аморфности, этнокультурной непрерывности населения верхнего и среднего Обь-Енисейского междуречья, явилось широкое бытование здесь квазиэтнонима «татары», применявшегося даже официально ко всей совокупности тюркоязычных групп с незавершенной этнической консолидацией.

Появление термина «татары» в Сибири может увязываться, с одной стороны, с древнетюркской эпохой как началом его циркулирования в южносибирской среде, поскольку словом «татар» (мн. число от «тата», «тат») древние тюрки обозначали «зависимых людей» вне этнической принадлежности. В своем истоке этот термин по смыслу был равнозначен позднейшим «кыштымы», «ясачные», фиксировавшим социальный статус его носителей. С другой стороны, русские, придя в Сибирь, воспользовались традиционным для них названием (тоже, видимо, имевшим «евразийские корни») всех говорящих тюркски народов России: закавказские татары (азербайджанцы), ногайские татары и др., и далее – черневые (бийские) татары, ачинские татары, кузнецкие татары, абаканские (минусинские) татары, мелесские татары, чулымские татары и т.п. Замечу: как только в Южной Сибири обозначились и укрепились к началу XX в. устойчивые очаги новых этногенезов, этот этноним исчез из употребления.

¹⁴ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 03–01–00359 а.

В настоящее время ни один аборигенный этнос Саяно-Алтая официально этноним «татары» не принял. То, что он привился на северо-западной периферии тюрко-сибирского мира на нижней Томи, в Прииртышье, – связано с историческими причинами. Во-первых, с той ролью, которую в этногенезе части сибирских тюрков сыграл этнический компонент более консолидированных татар-мусульман, выходцев из Европейской России, – ссыльных, вольнопоселенцев, – сосредоточивавшихся в инородных сибирских управах с начала XIX в. Во-вторых, этому в немалой степени способствовала интенсивная целенаправленная деятельность казанских мулл-проповедников ислама в XIX в. и мусульманских партий начала XX в. среди сибирских татар. В октябре 1917 г. в Томске состоялся I Сибирский Областной мусульманский съезд. В докладе З.С. Гайсина религия, в данном случае ислам, названа «основным национальным признаком». Поэтому мусульмане России, в частности Сибири, несмотря на этнографические различия и разнообразие языков, могут мыслить себя как «особую нацию (выделено мной – Л.Ш.), определяемую двумя факторами – принадлежностью к исламу и мусульманским сознанием».

Данный фактор довершил давно начавшийся среди татар Томского и Каинского уездов Томской губернии процесс, когда незавершенность собственного этногенеза, угроза русификации, недовольство «православной властью» и реформами заставили их воспринимать конфессиональное обособление как этническое. Тем более, что в обыденной жизни это был, пожалуй, единственный признак, выделявший, допустим, барабинцев и томских тюрков, из массы не только русского, но и остального, этнически аморфного тюркоязычного населения Сибири. Как бы то ни было, в начале XX в. этноним «татары» все больше стал подразумевать не столько непременно тюркоязычную принадлежность его носителей, сколько конфессиональность.

Но вот в 1990-е гг. среди части северных алтайцев, шорцев, хакасов всплыл и даже стал предлагаться образованными слоями в качестве эндэтнонима, казалось бы, забытый лингвоним «тадар». «Возвращение» к квазитнониму означало, что этноразделительные процессы, несмотря на наличие собственной государственности советского образца в форме национальных автономий, у тюркоязычного массива Южной Сибири все еще не закончились. Оно, следовательно, отражало слабую укорененность введенных извне этнонимов: шорцы, кумандинцы, хакасы. Обращение же к досоветской этнолингвистической классификации народов должно было подчеркнуть наличие «своего имени» в прошлом. Учитывая социально-политические и идеологические коллизии советского общества конца XX в., южносибирские тюр-

ки устремились к «воссоединению» с другими тюркскими этносами, сохранившими этноним «татары», что давало им возможность ощутить себя частью обширного и важного «тюркоязычного мира» и тем самым повысить собственный статус хотя бы в своих глазах. Но включение в общетюркский – «татарский» – мир автоматически влечет за собой смену религиозной идентичности, что в силу ряда объективных причин весьма маловероятно. Тем не менее, «пантюркистские» идеи в Южной Сибири сделали ее привлекательной не только для российских проповедников ислама, но и для некоторых структур Турции. Но важно, что исследование, проведенное в 2002 г. в некоторых учебных заведениях Хакасии, показало, что призывы М.И. Аджы – публициста и приверженца современной версии пантюркизма – о полном приоритете тюркской цивилизации, не нашли отклика в молодежной среде. Скорее всего, и ислам, и пантюркизм используются известной частью национальной интеллигенции для утверждения собственной элитарности.

Появление современных общеупотребительных этнонимов в Южной Сибири было следствием различных процессов. Одни из них, например, алтай-кижи, телеуты, имели эндогенный характер. Другие были искусственно созданы в связи с научной классификацией аборигенов этого региона. Третьи возникли в результате административной политики государства, связанной с национально-территориальным районированием Сибири в 1920-е гг.

Общеизвестно, что В.В. Радлов в научно-таксономических целях перенес названия двух родов-сеоков Северного Алтая (кубан и чалканыг) на близко им родственные, но этнически слабовыраженные группы аборигенов. Аналогично он поступил и с сеоком «шор», родовое имя которого было перенесено на все население Верхотомья и Горной Шории. Со временем эти родовые названия закрепились как этнонимы «кумандинцы», «челканцы», «шорцы», хотя для 1860-х гг., когда все это произошло, такое умозрительное выделение было явно произвольным, преждевременным. Но вкупе со сложившимся политико-административным устройством южносибирских аборигенов оно навязало этим искусственно избранным родам роль центров этнического притяжения консолидационных процессов, придавая названиям родов этнический смысл.

В советский период искусственные этнонимы продолжали укрепляться в рамках проводимой национальной политики. Существование в 1925–1938 гг. Горно-Шорского района, казалось бы, создавало условия для формирования общешорского этнического самосознания и шорской идентичности. Искусственно сконструированный, хотя и подкрепленный одноименным национальным образованием этноним

по преимуществу использовался для обозначения себя вовне. Внутри социума сохранялось неоднозначное к нему отношение. Более того, имя «шорцы» воспринималось часто как обидная кличка, говорящая о разрыве с традицией и собственной культурой. Поэтому неудивительно, что в конце XX в. начался усиленный поиск «своей» идентичности. В противовес этнониму «шорцы» стали возвращаться к названию «тадар», сакрализованному авторитетом старины.

Перспективы создания новой идентичности путем мобилизации такого же искусственного конструкта вряд ли реализуемы, если учесть степень русификации, маргинализации, усугубившуюся размытость этнического самосознания. Чаще все ограничивается конъюнктурными спекуляциями со стороны отдельных людей или «национально окрашенных групп, отнюдь не отражающих этнических и этнологических реалий.

Создание в 1922 г. Ойротской автономной области в Горном Алтае имело менее искусственный характер, нежели образование Горно-Шорского национального района. Помимо реализации политики национального строительства в Сибири, оно было логическим продолжением пробной реализации принципа политического оформления недавно сложившегося этноса в виде недолгого существования Алтайской Горной и Каракорумской Дум периода Гражданской войны. Само название автономии явилось следствием прямого влияния бурханизма, национальной религии алтай-кижи, с его ярко выраженными джунгарскими (ойратскими) реминисценциями. Однако географические рамки национальной автономии оказались гораздо шире этнической территории алтай-кижи (собственно алтайцев). В состав Ойротии, кроме русского населения и южноалтайских этнических общностей (кроме алтай-кижи – теленгитов и телеутов), были включены северные алтайцы: челканцы, кумандинцы, тубалары, по всем этнопоказательным характеристикам вплоть до языка, этногенеза, исторических взаимоотношений с Россией более тяготевшие к Шории, Хакасии, Нижней Томи. Следовательно, горноалтайская автономия изначально оказалась достаточно рыхлым, гетерогенным образованием.

Между тем, в работах современных ученых Республики Алтай появляются утверждения о том, что в XVII–XIX вв. Горный Алтай и Верхнее Приобье были заселены единым и фактически неизменным теленгитским этносом, и во всем близкими ему кумандинцами, тубаларами, челканцами (Г.П. Самаев). Такие утверждения вряд ли являются плодом исторического невежества. Скорее всего, это есть попытка традиционным способом, т.е. через обращение к «священному прошлому», обосновать выдвигаемую ныне идею моноэтничности абorigенов Алтая и в настоящем. Иначе говоря, речь идет всего лишь об

искусственном конструкте – едином от века и ныне этносе, населяющим Горный Алтай. При этом игнорируется богатейшая и разнообразная этническая история народов Саяно-Алтая, Южной Сибири вообще.

Появление подобных взглядов отражает, во-первых, стремление части интеллигенции алтай-кижи представить свой этнос как «правильный», базовый для остальных народов Алтая; втянуть их «в себя», как бы «уничтожив» объективно существующие этнические границы. Такие установки, во-вторых, направлены на закрепление одного из этнонимов, фигурирующего в названии республики, за всеми аборигенами Горного Алтая, что неизбежно сопряжено с проявлением пренебрежения к этнокультурному многообразию этого региона. Утверждая тезис извечного единства и неизменяемости алтайского этноса, некоторые представители алтайской интеллигенции легитимизируют образ «истинного алтайца» (т.е. алтай-кижи, противобойствующего ассимиляции): «В алтайской среде не будут пользоваться уважением, а значит предлагаться на посты и должности те, кто относится к стереотипу «обрусевшие» – «туба» не говоря о «кайлык» (метисы), независимо от их личных качеств» (цит. по работе И.В. Октябрьской и др.).

Такие постулаты, несмотря на апелляции к «единому в прошлом народу Алтая», не способствуют выработке общеалтайской идентичности. Наоборот – они провоцируют поиск другими алтайскими народами своей «особенной» идентичности, в чем им невольно помогло государство. В 1993 г. кумандинцы как особый этнос получили статус коренного малочисленного народа России, что сопровождалось включением их этнонима в официальный список российских народов. Следствие – широко развернувшаяся среди челканцев, тубаларов, теленгитов аналогичная кампания, начавшаяся в середине 1990-х гг. и увенчавшаяся успехом в 1999 г.: они тоже были признаны самостоятельными малочисленными коренными народами.

Естественно, что «этническая реабилитация» «спровоцировала» определение «настоящей osobости» и «действительной этнической идентичности. Пример – вышедшая в 2001 г. книга Л.М. Тукмачева-Соболева «У истоков древнего Алтая», в которой дается «новая» история кумандинцев, якобы проживающих на Алтае в неизменном виде с III в. до н.э. Понятно, что с точки зрения исторической науки авторские фантазии несостоятельны, о чем мне пришлось в свое время писать, и в данном случае оформление, утверждение кумандинской идентичности основано на историческом мифотворчестве. Кстати, показателем того, что государство повлияло на всплеск последнего, являются документы правительства, определившие новый статус кумандинцев, помещенные в начале упомянутого сочинения.

Еще интенсивнее мифотворчество при определении идентичности используется в Хакасии, что во многом объясняется сохранением внутри хакасского этноса шести этнографических групп, еще в середине XIX в. бывших этническими общностями, и отсутствием общего эндогенного этнонима. В ходе национального строительства в 1923 г. в бывшей Енисейской губернии был создан особый уезд, ставший позднее основой автономной области, а затем – республики, где по преимуществу было сосредоточено аборигенное население. В постановлении губернской комиссии по этому поводу указывалось: «Выделенному уезду присвоить название «Хакасский» по древнему названию народности, ныне его населяющей». Решение комиссии базировалось на мнении национальной интеллигенции, ибо слово «хакас», «хягас» было одной из неточных огласовок древнекитайского наименования енисейских кыргызов – народа, долго обитавшего в бассейне верхнего Енисея, и игравшего важную роль в центральноазиатской и южносибирской истории с VI в. вплоть до 1703 г., когда в ходе исторических коллизий большая его часть была уведена в Джунгарское ханство. После «увода» бывшие кыргызские данники-кыштымы, заполнив и освоив территорию бывших сюзеренов, составили ее аборигенное население. Искусственный характер этнонима «хакас» должен был, по мысли его внедрителей, стать «понятным и идейным лозунгом для культурно-национального возрождения».

В 1960-е гг. появляются работы Л.Р. Кызласова, в которых, вопреки исторической реальности, обосновывалась историческая и этногенетическая преемственность между современными и древними «хакасами» (кыргызами), что стало буквально воплощением «идейного лозунга» 1920-х гг.. Однако понимание большинством хакасов первоначального значения их современного названия и сохранившаяся устная традиция о реальных кыргызах, с которыми местное население не связывало свой этногенез, не позволили этим построениям распространиться за пределы академической среды. Проблема же поиска «собственного имени» как основы идентичности осталась.

В конце XX в. общественно-политическая ситуация ускорила этот процесс, наполнив его вполне конъюнктурным содержанием «суверенизации». Показательно, что ни одна из ныне существующих этнографических групп не претендует на распространение своего этнонима на остальные, что свидетельствует о продолжающейся в границах Республики Хакасии консолидации тюркоязычного населения, чему способствует и достаточная численность этнопопуляции. Указанное обстоятельство активизирует создание новых конструктов, одним из которых является предложенный В.Я. Бутанаевым этноним «хоорай

(хонгорай)», якобы «исконный» для местного населения. Согласно его концепции, в течение XV–XVI вв. различные племенные группы, «оказавшиеся в долине Среднего Енисея, были объединены под эгидой кыргызов в единый этнополитический союз «Хонгор» или «Хонгорай»... Наследниками этого союза и является современное население. Показательно, что если ранее идеи Л.Р. Кызласова фактически не получили распространения, то предположение В.Я. Бутанаева, по его словам, нашло поддержку в народной среде: высказывались даже мнения «во имя памяти предков поднять на пьедестал почета наше историческое имя и переименовать Хакасию в «Хыргыс-Хоорай» или Хорайскую республику». Данная концепция не выдерживает исторической критики, да создателям «новой этничности» она и не нужна, т.к. реальная история выносятся за скобки национального мироощущения.

Следует заметить, что конструирование новых идентичностей не является привилегией только национальной интеллигенции. Самая ранняя попытка их формирования у всех южносибирских социумов была предпринята «снизу» и вылилась в стремление активизировать сохранявшиеся роды (сеок) и родовое сознание. Уже в 1989 г. в Горном Алтае алтай-кижи рода майман провели первый родовой праздник своего сеока. Затем последовали праздники родов мундус, кыпчак, толос и др. Однако, по свидетельству очевидцев, «никто ясно не представлял, что делать, собравшись». Подсознательное стремление членов одного рода к единению, традиционно осмысляемое через родство, было следствием социальной растерянности отдельного человека в условиях краха привычных социокультурных и экономических связей советского общества. Уцелевшие вторично-родовые структуры создавали иллюзию возможной социальной защищенности путем коллективного выживания. Но уже к середине 1990-х гг. стало ясно, что реанимация родовой идентичности как способа и условия успешного совместного бытия вряд ли возможна. Надежда на родовую взаимопомощь не реализовывалась. Во время «праздников» не столько мобилизовалось общеродовое единство, сколько выяснялись генеалогии отдельных семей. При этом, чем древнее оказывалась родословная, тем значимее в глазах окружающих (и особенно в собственном мнении) становились ее носители, тем быстрее исчезала уверенность в возможность одинаковой сопричастности каждого члена со своим родом.

Выборы родовых зайсанов, которые также пришлось на этот период, не решили проблему защиты ими интересов своих сородичей. Когда, например, встал вопрос о сохранности родовой горы одного из сеоков – мифологического центра родового сознания, – то все просьбы зайсана были проигнорированы властями из-за строительства на этом

месте парка для маралов. Поэтому неудивительно, что интерес к родовым праздникам и другим внешним родовым институтам в Горном Алтае стал понемногу затухать.

На десятилетие позднее развернулась мобилизация родового сознания в соседней Республике Хакасии, вылившаяся в родовое движение и создание в 2001 г. «Ассоциации родов хакасского народа». Именно родовое движение рассматривается национальной интеллигенцией как одна из перспективных форм развития хакасского этноса.

Оживление родовой идентичности и ее активация кроется не только в устойчивом сохранении южносибирскими народами деления на вторичные роды, многие из которых являются осколками древних этнических групп, стянувшихся в процессе этноконсолидации. В большинстве случаев мобилизация родового сознания объясняется и деятельностью представителей национальной интеллигенции, достаточно хорошо знакомой с работами ученых XIX – начала XX вв., которые не только зафиксировали родовое деление автохтонных социумов, но и определили родовое сознание как «предельную форму выражения идентичности». В том же направлении действовало российское законодательство XIX – начала XX вв., официально использовавшее термин «род» при характеристике административного устройства южносибирских аборигенов.

Не надо, впрочем, забывать, что сеок южносибирских тюрков – это не «классический» род первобытной эпохи, базировавшийся на территориально-экономическом единстве в кровнородственном облике; это даже не ранний клан, ибо тюрко-сибирская родовая структура «вторична» и генетически восходит к прежним этносам или их уцелевшим фрагментам. В специфических условиях подвижных скотоводческих по преимуществу обществ весьма трудно было сохранить изначальное территориальное и экономическое единство и даже удержать целостность этнопопуляции. Этому препятствовали и ранняя социально-имущественная стратификация таких обществ, и постоянная их вовлеченность в череду центрально-азиатских событий, сопровождавшаяся включением в состав разных государственных образований, этническими перетасовками и дроблениями, войнами и миграциями. В такой ситуации главным «родосохраняющим фактором», ментальным центром притяжения людей становилось само название феномена, обозначаемого «родом», через причастность к которому удерживалась этническая память.

Поэтому уже весьма рано хозяйственная и экономическая жизнь всех тюркских народов определялась семьей. Именно она была базовым элементом аборигенного общества, регулируя в том числе и брачные

отношения и принимая на себя, таким образом, функции рода. В советский период сфера влияния рода постоянно суживалась, хотя сеок по прежнему оставался элементом этнического сознания и ментальности.

Как бы то ни было, вопрос о реальной значимости рода или семьи в социально-экономической и социорегулирующей сферах был решен в пользу последней никак не позднее начала XX в. Исторические и этнокультурные события, пережитые Южной Сибирью за последние 400 лет, неизбежно сказались и на родовом делении здешних тюрков, внося в него изрядную путаницу. В частности, поэтому попытки реанимации родового сознания сопровождаются выявлением все новых родов. Так, в настоящее время, по Б.Я. Бутанаеву, в Хакасии их насчитывается более 200, в то время как в конце XIX в. было 43 рода. Думается, что количественный рост «родов» связан с включением в родовую структуру больших семей «толь», что свидетельствует о размывании родового принципа строения социума и родового сознания. Следует также отметить, что мобилизация квазиродового сознания, которое все же сохраняет память о гетерогенном происхождении южносибирских народов, невольно будет провоцировать не только выявление «своих» и «чужих», но и отделение «настоящих» алтайцев, хакасов и др. от «ненастоящих».

Так что перспектива мобилизации родовой идентичности объективно еще сильнее раздробляет этносы с их неустоявшимся надродовым сознанием. К тому же, современный род тюрков Южной Сибири не может выступать в качестве действенной экономической и социальной поддержки, а именно этого от него ждут менее удачливые соплеменники. Аборигенный социум достаточно индивидуализирован, и «родовое» единение может носить ситуативный характер.

Рассмотренные этнические идентичности не существуют в пространственном вакууме, они являются составными элементами или структурными уровнями широкого понятия региональной идентичности. Наличие или отсутствие таковой является важным фактором как внутренней, так и внешней безопасности. Подчеркну, что на всем протяжении Южной границы РФ имеются приграничные субъекты федерации, образованные на основе как административно-территориального, так и национально-территориального принципов. Как показали события последних лет, именно национальные республики (достаточно вспомнить Северный Кавказ) оказались наиболее подверженными и внутренней дестабилизации, и внешним воздействиям. Азиатская (сибирская) граница России есть продолжение нестабильного южного ее участка в Европе. Южносибирские же республики входят в приграничную зону, поэтому столь важно выяснение сути протек-

кающих в них общественных процессов. Важно, что многие внедренные в массовый обиход искусственные этнонимы подвергаются критике со стороны их носителей как «ненастоящие», не соответствующие представлению о собственной идентичности. Источником формирования новой идентичности становится прошлое, трактуемое произвольно или фальсифицированно, т.к. именно оно по традиции менталитета определяет значимость этноса не только в былые, но и нынешние времена.

Таким образом, возрождается, культивируется архаическая ментальность, «уводящая» реальный этнос в «Великое Прошлое», где и отыскивается «настоящее» имя, «подлинно своя» идентичность. Попутно переоцениваются отношения с Россией и русскими, сооружается образ «народа-жертвы», чему способствует рост «маргинально-русского шовинизма» и что отрицательно сказывается на русско-аборигенных отношениях в целом.

В процесс конструирования этничности на разных уровнях втянута не только национальная интеллигенция. В этом периодически оказывается задействованной и значительная масса населения и даже государственные структуры. Данная ситуация в конечном итоге отражает незаконченность этногенетических процессов у многих южносибирских этносов, ибо этничность формируется в этом случае не как эндогенный феномен по преимуществу, но как «многоликий конструкт». Поэтому в эволюционном плане тюркоязычные общества далеки от стабильности. В связи с этим любые действия извне могут восприниматься как угроза и придать идентичности неожиданную форму. Идея укрупнения регионов за счет объединения республик и областей, казалось бы, направленная на ускоренное сложение региональной идентичности, может усилить идентификацию алтайцев и хакасов со «своими» республиками, хотя первых в Республике Алтай – 31%, а вторых в Республике Хакасии – 11%, а строительство Катунской ГЭС или дороги на Канас вновь обострит на Алтае проблему сосуществования техногенной и традиционной культур в рамках одного государства. Все это неизбежно поднимет изоляционистские настроения значительной части алтайцев и, соответственно, ослабит интеграционный потенциал регионального сообщества.

Южная Сибирь «больна» новыми идентичностями, и потому восприимчива к любым, даже нелепым с рациональной точки зрения, конструктам, и какими они станут – во многом и зависит от продуманности политики властных структур различного уровня.

Литература

1. Борина Л.С. Национально-государственное строительство в Сибири как фактор формирования этнического самосознания шорцев // Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XIX вв. Новосибирск, 2003.
2. Бутана В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских киргизов. Абакан, 1990.
3. Глушаница И.С., Самушкина Е.В. Государственные символы Республики Хакасии. Этническое самосознание и современное мифотворчество хакасов // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003.
4. История Монгольской Народной республики. М., 1983.
5. Козьмин Н.Н. Хакасы. Иркутск, 1925.
6. Культурно-национальная автономия в истории России. Т.1. Томск, 1998.
7. Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сеоков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994.
8. Октябрьская И.В., Озонава А.Б., Нечипоренко О.В., Посух О.Л. Коренные малочисленные народы Республики Алтай на пороге XII века: проблема этнической идентичности // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2003.
9. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
10. Самушкина Е.В. Национальное общественное движение Республики Хакасия // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 2003.
11. Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. Бийск, 2001.
12. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII– XIX вв. Томск, 1999.
13. Она же. Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития // Народы Сибири. Кн.3. М., 1997.